

ДОБРОЕ ДЕЛО

НИСАН 5771

55

АПРЕЛЬ 2011

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

5 МАЯ ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

Победный май 1945 года

В День Победы мы отдаем дань благодарности защитникам свободы и независимости народов мира, кто воевал и трудился с постоянной верой в Победу. Мы с болью и горечью вспоминаем тех, кто в боях за родную землю пал смертью храбрых.

День Победы – праздник и всего еврейского народа, знаменующий спасение его от уничтожения.

Мы помним расстрелянных, сожженных, погибших в газовых камерах только потому, что были евреями.

Председатель Правления
Михаил Блюмберг

Мы помним выживших в гетто и нацистских концлагерях.

Мы помним тех, кто с риском для жизни спасал евреев от фашистов.

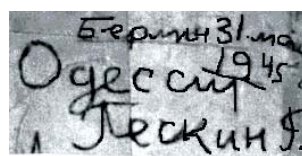
Мы помним тех, кто своей работой в тылу приближал Победу.

Мы помним тех, кто после войны поднимал из руин страну.

Мы помним всех! Мы помним всё! Мы никогда не допустим повторения страшных событий!

От всей души поздравляем клиентов БФ "Хесед Шаарей Цион" с праздником Победы! Здоровья, счастья, благополучия на долгие годы!

Генеральный директор
Анатолий Кесельман

Путь к здоровью

2 стр.

Славное имя – волонтер!

2 стр.

"Весна идет! Весне дорогу!"

3 стр.

"Я подарю тебе целый город"

3 стр.

Наша гостиная

4 стр.

Победный май 1945 года

5 стр.

Яков Шехтер "Бабушкины сказки"

6-7 стр.

Вера Инбер "Место под солнцем"

8 стр.

Роман Бродавко "Жить в настоящем времени"

9 стр.

Семен Липкин "Записки жильца"

10 стр.

Страна Поэзия

11 стр.

Улыбка

12 стр.

10 мая

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Государство Израиль провозгласило 14 мая 1948 года (5 ияра 5708 года по еврейскому календарю). Закончилась война, в которой уцелела лишь треть из девяти миллионов евреев Европы, но для них испытания еще не закончились.

Англичане наложили еще большие ограничения на еврейскую репатриацию в Палестину, после чего было создано Еврейское движение Сопротивления для борьбы с британскими властями за свободный въезд в страну. Положение в стране было практически кризисным, и британское

правительство было вынуждено передать решение палестинской проблемы ООН. 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства. Арабы начали военные действия, и территорию, определенную ООН для создания еврейского государства, пришлось защищать с оружием в руках. 14 мая 1948 года, в день, когда истек срок британского мандата на Палестину, Давид Бен-Гурион на заседании в Тель-Авивском музее зачитал Декларацию независимости нового государства, получившего

официальное название – Мединат Исраэль (Государство Израиль). Через несколько часов армии Египта, Иордании, Сирии, Ливана и Ирака вторглись на его территорию, и евреям опять пришлось защищать независимость, обретенную на земле предков. В этой войне более 6 тысяч человек отдали жизнь за то, чтобы существование Государства Израиль стало реальностью.

На следующий год парламент Израиля принял закон о национальном празднике в 5-й день ияра, получившем название Йом а-Цмаут – День независимости, который в этом году отмечается 10 мая.

1 мая - День Катастрофы и героизма европейского еврейства

День Катастрофы и героизма европейского еврейства

установлен в память о шести миллионах евреев, уничтоженных нацистами в годы войны. Неевреям, рискуя жизнью ради спасения евреев, Закон о сохранении памяти мучеников и героев (1953 г.)

присвоено в Израиле почетное звание «Хасидей уммот ха-олам» (Праведники народов мира). Символом еврейского Сопротивления стало восстание в Варшавском гетто в апреле 1943 года, когда немцы, применяя артиллерию и бронетехнику, начали разрушать гетто и уничтожать его жителей. Пять недель защитники гетто оказывали героическое сопротивление врагу, но 16 мая гетто было ликвидировано.

В День Катастрофы и героизма, Йом а-Шоа, в Израиле звучат траурные сирены, на две минуты прекращается всякая деятельность, останавливается транспорт, люди замирают в скорбном молчании. В Мемориальном музее «Яд ва-Шем» в Иерусалиме проходит официальная церемония поминовения жертв Катастрофы. Евреи в Израиле и вне его читают заупокойную молитву «Кадиш».

В честь освободителей Одессы

На мемориалах в Прохоровском сквере и в районе площади Толбухина состоялись митинги, посвященные 10 апреля – Дню освобождения Одессы от фашистских захватчиков.

В Прохоровском сквере митинг открыл председатель Одесской ассоциации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей Р.Шварцман, выступили специально прибывший из Израиля инициатор создания памятника одесситам – жертвам Холокоста Я. И. Маниович, секретарь горсовета О.Б. Брендак, генерал-майор Р. П. Агриков, председатель одесской ромской общины Ж. Дульчева.

И все они – люди разного возраста, разных судеб и разных национальностей – говорили о том, что свято для одесситов, – о том, что нынешние и будущие поколения не должны забыть солдат, которые обороняли наш город в 1941 году и освобождали его в 1944-м, кто боролся с врагом в оккупированном городе, кто страдал в лагерях, созданных для военнопленных, для евреев и ромов, кто погиб от рук нацистских палачей, кто с риском для жизни спасал обреченных на мученическую смерть.

Присутствовавшие на митингах ветераны Великой Отечественной войны, представители общественных организаций, бывшие узники гетто и концлагерей, клиенты БФ «Хесед Шаарей Цион», молодые люди возложили цветы к памятникам жертвам Холокоста.

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" – 73740-21; Служба "Питание" – 737-40-11;
Программа "Медицина" – 737-40-32; Культурный центр – 737-40-13;
Служба волонтеров – 737-40-24; Дневной центр – 737-40-30;
Редакция газеты "Доброе дело" – 737-40-12

Великое дело — праздник

Великое и благородное дело — устроить для человека праздник. Если же это праздник для ребенка, тем более не для одного, а для нескольких, так это великое дело вдвойне.

Памятуя это, детская программа Хеседа устроила для своих малолетних клиентов «День именинника», пригласив не только детей, но и их родителей, братьев и сестер, в присутствии которых герои праздника чувствуют себя особенно комфортно.

Праздник только тогда праздник, когда он заблаговременно, с любовью и выдумкой подготовлен. Так и

поступили. Помещение, в котором проходило празднование, дети вместе с кураторами Ириной Берхштейн и Галиной Ролл дети—будущие участники праздника украсили зал яркими, собственноручно сделанными гирляндами, а руководитель кружка декора «Бейтену» Международного еврейского общинного центра «Мигдаль» Лилией Штекель помогла ребятам сделать красочные поздравительные открытки. Куратор Юлия Горловецкая подобрала для ребят веселые песни, которые они с удовольствием исполнили.

И нужно было видеть и радоваться тому, с каким задором мальчишки и девочки участвовали в веселых конкурсах-эстафетах с яркими воздушными шариками.

В завершение праздника каждый его участник получил в подарок набор «Хеппи Мил», сок и шарик, предоставленные директором ресторана «МакДональдс - Вокзал» Андреем Георгиевичем Павловым, которому мы искренне благодарны. Все было весело и тепло, потому и остались довольны, как говорится,

и стар, и мал — и дети, и их близкие. А это — лучшая награда организаторам праздника..

Ирина Берхштейн

Путь к здоровью

Давно бытует выражение: «Наше здоровье в наших руках». Более точно можно сказать, что наше здоровье в нашем сознании, в правильном восприятии мира, в котором мы живем, в осознании себя в этом мире. Поэтому, поняв, что профилактика — более правильный путь, нежели лечение болезней, что организм человека есть единая саморегулирующаяся система, можно на долгие годы сохранить и здоровье, и оптимизм, который так необходим для поддержания здоровья.

Н. Корчевская

На этом основополагающем принципе и основаны занятия в кружке «Путь к здоровью», который работает в Хеседе. Мы изучаем методы очистки организма, потому, что только истый организм может быть здоровым, методики адекватной физической активности, точечного и самомассажа, аутогенной терапии,

витамиотерапии, отдельного питания, правильного дыхания и многие другие. Не остаются в стороне и вопросы старения организма и влияния на него обмена веществ, психики и поведения человека.

Изучив все это, не убоившись трудностей, проявляя целеустремленность и упорство, каждый наш слушатель выстраивает для себя программу поведения, питания, оздоровления и предупреждения заболеваний.

К сожалению не все понимают эффективность такой профилактики и зачастую затрачивают немало времени на совсем не нужные или мало нужные дела. Занятия нашего кружка «Путь к здоровью» проводятся еженедельно по вторникам и мы приглашаем всех, кто хочет пойти с нами по этому пути.

Нина Корчевская

Наш кружок с полным правом можно считать школой здоровья. Каждый из нас достиг определенных положительных результатов, наше здоровье улучшилось, появилась вера в то, что организм способен справиться с недомоганиями, если создать ему необходимые условия.

Помимо этого мы стали одной семьей, радуемся успеху каждого и встречаемся с удовольствием. На этих встречах свои стихи читает нам Лидия Приймак, всегда готова рассказать что-то интересное, спеть и станцевать Инесса Иофель, празднование дня рождения кого-нибудь из нас с мастерством и удовольствием организует староста кружка Тамара Ферштер. Но всего этого не было бы и не могло быть, если нашим кружком не руководила Нина Борисовна Корчевская — знаток своего дела, человек требовательный к себе и другим, благородный и очень добрый.

Лилиана Вайсман, Фаина Горошина, Зоя Кувшинова

Славное имя — волонтер!

Волонтеры! Встретиться с ними в Хеседе можно буквально на каждом шагу.

Кто на Песах выдавал мацу? Волонтеры. Кто оказывает помощь сотрудникам медицинской службы при оформлении рецептов для получения медикаментов, выдает клиентам талоны на починку обуви, стирку белья, посещение бани, ремонт бытовой техники, занимается подпиской на газеты? Волонтеры. А кто во время различных заседаний, занятий кружков, студий, творческих коллективов подает их участникам чай? Снова они. И при этом ощущается чуткость ко всем, с кем они общаются, потому что все они делают с улыбкой, от всего сердца.

Работа всех служб Хеседа проводится с непременным участием волонтеров — людей, которые добровольно, благородно и бескорыстно отдают свой труд, свое личное время на свершение добрых дел. Пожалуй, только в транспортной службе нет волонтеров. Наверно, это потому, что у наших волонтеров нет автомобилей. Они предпочитают передвигаться при помощи общественного транспорта.

А кто вам починит бытовую технику, наточит ножи, ножницы? Конечно же, волонтеры.

О волонтерах можно рассказывать много. Для примера, назову Беллу Друтман. Она — одна из старейших волонтеров Хеседа, помогает людям уже много лет. Такой добровольной отдачей своих сил и энергии в службе волонтеров могут похвастать немногие. Интересно, что она на протяжении всего этого времени реализовывала себя на различных фронтах волонтерской службы, принимала участие в обследовании клиентов перед постановкой их на учет, в программе «Медицина», выдавала продуктовую помощь. Везде, в какой бы службе она не работала, она вкладывает свою душу, проявляет

инициативу, смекалку. И теперь у нее большой объем работы — ведение документации программы «Служба помощи пожилым людям», Руководит службой Ирина Верведа, которая говорит о Белле Друтман лаконично и точно: «Немногословна и исполнительна во всем».

А кто приходит ко многим клиентам Хеседа, стоящим на учете в патронажной службе, гуляет с ними после травм, читает им газеты, если нужно, покупает лекарства, или просто побудет с одиноким человеком, побеседует, окажет ему внимание. Ведь не хлебом единым сыт человек! К таким волонтерам можно

отнести Лору Лейченко — волонтера с небольшим стажем и большим рвением. Она опекает четырех клиентов их тех, кому уже за 90 лет: сопровождает их на процедуры в поликлинику, покупает продукты. И подопечные ее недаром не устают повторять, что она «замечательный человек — всегда безотказно сделает все, если увидит, что ее помощь крайне необходима людям».

Почти все волонтеры это немолодые уже люди с большим опытом работы по своей специальности. Но, работая в Хеседе, они чаще всего занимаются совсем другим делом, никак не связанным с их профессиональными навыками.

Конечно же, Хесед в меру своих возможностей и правил старается поощрять волонтеров. В основном это слова искренней благодарности за их работу, награждение их грамотами, организация и проведение для них экскурсий в музеи, посещения театров, где можно насладиться новым спектаклем, киностудии, где им покажут новый художественный или документальный фильм.

Таковыми трудами, заботами и радостями живут наши волонтеры, которыми успешно руководит старший волонтер Юлия Рухлина.

Ида Грорссман

Волонтеры Хеседа на экскурсии в Саду скульптур Одесского литературного музея возле памятника Илье Ильфу и Евгению Петрову

“Весна идет! Весне дорогу!”

Этот день в зале Культурного центра Хеседа начался с необычной расстановки стульев. Едва заметным полукругом их отправили в глубь зала, подальше от сцены. Готовилась площадка для танцев, но не для артистов, а для тех, кто пришел на воскресную программу.

После необычно красивой для нашего города, но затянувшейся зимы гостям подарили неожиданную радость встречи с любимыми песнями и танцевальными мелодиями школьных и студенческих вечеров, танцплощадок, семейных праздников, шумных и дружных когда-то одесских дворовых застолий. И подарили этот праздник по подсказке волонтера Людмилы Мирошниченко два добрых человека — волонтер Хеседа Зорий Харлампи и его дочь Зоя.

Придя как-то в Хесед по приглашению друзей, Зорий стал незаменимым человеком. Точен и аккуратен, скромн, порой застенчив, он тихо и незаметно настраивает аппаратуру, проверяет исправность микрофонов, иногда тактично что-то подсказывает и всегда готов прийти на помощь. Окончив в конце 60-х годов вечернюю музыкальную школу по классу аккордеона, он служил в ансамбле песни и пляски Одесского Краснознаменного военного округа. После демобилизации выступал в парках и санаториях города,

организовывал танцевальные вечера, стал победителем Всесоюзного конкурса массовиков в Минске и Саратове. Любимому делу Зорий посвятил сорок лет.

И не удивительно, что Зоя увлеклась музыкой. Можно сказать, девочка была

Зоя и Зорий Харлампи

погружена в нее с пеленок. В полтора года она знала около тридцати песен. К трем годам мама начала учить ее танцам, в четыре — в ее жизни состоялся первый концерт, а в девять — Зоя серьезно занялась хореографией. В 12 лет она уже вместе с родителями выступала в концертах. Первым учителем Зои был ее отец. Он всегда служил для нее примером. Окончив в 1996 году Одесское училище культуры, она в 1999-м победила на одесском конкурсе “Песни Утесова”. С тех пор победы постоянно сопровождают ее творческую жизнь. Это “Славянский базар”, конкурс современной песни “Юморина-99”, диплом Международного фестиваля цыганского искусства, диплом лауреатов эстрадного фестиваля “Шанс-2000”. В настоящее время Зоя работает с популярными в Одессе группами музыкантов “Латинос Банд” и “Марафет”. В свое время о ней и ее родителях Одесское телевидение сняло фильм, фрагменты из которого были показаны зрителям на этой встрече.

“Я подарю тебе целый город”

Встречу в Культурном центре Хеседа, посвященную двум поэтам — Евгению Марголину и Майе Яворовской — задумал и осуществил их сокурсник по политеху и друг Михаил Гаузнер. А л и т е р а т у р о в е д Валентина Ковач как всегда проникновенно читала их стихи. Так возник тандем творческих людей, тонко чувствующих поэзию.

Прологом стало выступление студентки 4-го курса Одесской консерватории им. А.Неждановой О. Кучеры /класс преподавателя А.Джамагорцяна/. Под аккомпанемент Анны Розен она проникновенно исполнила несколько классических произведений, нежным тембром голоса настроив слушателей на рассказ о людях, в жизни которых музыка занимала отнюдь не последнее место.

Женя Марголин рос как многие одесские мальчишки — школа, море, футбол. Много читал. Детство и юность часто были голодными. Отец погиб в 42-м, и мать одна поднимала сына. В студенческие годы, увлекшись яхтами, Женя стал романтиком моря — капитаном, участником многих походов и регат. Он был высок, красив, голубоглаз, с открытой доброй улыбкой. Ироничный и веселый, он писал в факультетской газете фельетоны, выхода которых всегда ждали. После института работал на Рижском электромашиностроительном заводе. Печатался в заводской многотиражке.

После ряда публикаций в газете “Советская молодежь” его пригласили туда на постоянную работу, где он и прослужил 15 лет. А затем стал редактором Рижской киностудии документальных фильмов. В 1986—88 годах студия приобретает

мировую известность благодаря выходу на экраны остросоциального документально-художественного фильма “Легко ли быть молодым?”. Сценарий написали Евгений Марголин, кинокритик А.Клецкин и режиссер Ю.Подниекс. Вызвав огромный резонанс, создатели фильма получили высшую награду страны — Госпремию СССР.

Всегда прямой и искренний, Евгений окружал себя талантливыми людьми и сумел создать творческую команду. Не случайно коллеги избрали его художественным руководителем киностудии. Его стихи искрятся жизнью, удивляют точностью образов. Он дарит нам целый город с огнями и бульварами, трепетно-нежен в стихах о любви. А сколько затаенного мужского тепла в полушутливом стихотворении об одеяле, подсматривающем сны. Живя и работая в Риге, он уже в декабре мечтал об отпуске в родном городе. Прилетев, обняв друзей и произнес любимое: “Ну, кажется, я опять в Одессе”, он терял свою рижскую респектабельность, а речь наполнялась одесскими словами и оборотами. Словом, это был настоящий одессит. Он ушел из жизни в 1990 году в самом расцвете творческих замыслов.

На одном курсе с ним училась Майя Яворовская. Родилась она в Томашполе. Росла без отца, который не вернулся с войны. Приехав в Одессу, она жадно впитывает в себя все лучшее, что может дать город с прекрасными культурными традициями. Театры, музеи, выставки, море, архитектура, своеобразие речи и характера

Зои красивый и сильный голос. Когда в ее исполнении звучат латиноамериканские мелодии, мы слышим тембральные особенности певцов юга далекой страны. Прозвучали песни из репертуара А.Пугачевой, Л.Успенской, Ф.Киркорова. Отец и дочь по очереди подходили к микрофону, а песня “Снежинки на ресницах таяли” прозвучала в исполнении семейного дуэта.

И если вначале гости чувствовали себя несколько скованно, то постепенно непосредственность общения исполнителей с залом сняла этот барьер, и танцующих становилось все больше и больше. А когда начала танцевать Галина Куц — обладательница приза “Мадам грация”, то желающих присоединиться к танцу заметно увеличилось.

К концу встречи Зоя, под фортепианное сопровождение Анны Розен, исполнила романс “А напоследок я скажу”. И если в начале концерта она показала всю силу и красоту своего голоса, то этот романс, исполненный вполголоса, передал всплеск чувств безвозвратного прощания.

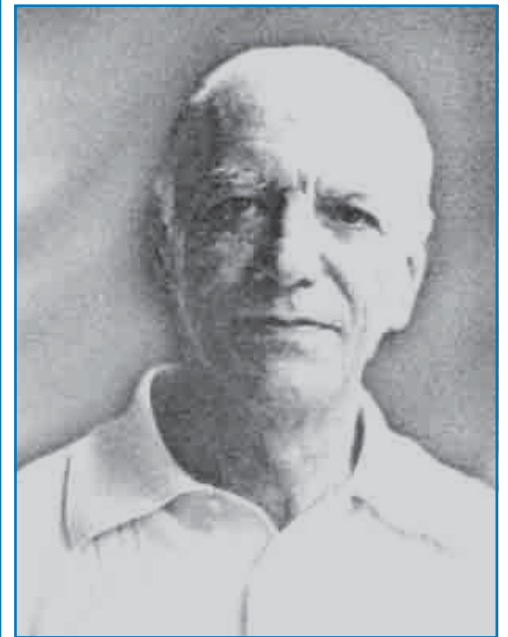
Зоя артистична, музыкальна и пластична. Ее привлекательность и общительность передались слушателям. Было заметно, как исполнителям и гостям не хочется расставаться. Но жизнь, к сожалению, имеет свои временные рамки. И покидая Культурный центр с надеждой на новую встречу, люди, выходя, улыбнулись едва ступившей на землю робкой, синеглазой весне. И поверили, что теперь все должно быть хорошо!

Евгения Лукьянова

Он добрую память оставил

Исполнилось 90 лет со дня рождения поэта Александра Шафира. Этой дате была посвящена литературно-музыкальная программа, ведущей которой была его дочь Инна — староста Литературной студии “Откровение”, композитор и концертмейстер.

Александр Рувимович Шафир родился в Одессе 3 апреля 1921 года. Его мать преподавала немецкий и французский языки, отец был учителем физики в старших классах. Стихи Александр начал писать еще в школе. Из-за тяжелой болезни на фронт попал только в конце войны. Затем окончил Одесский медицинский институт им. Н. И. Пирогова, где встретил свою первую любовь Ирину Леховицер, вместе с которой работал в селах Одесской и Николаевской областей, а затем в лечебных учреждениях Одессы.

Выйдя на пенсию, был соцработником и волонтером Хеседа, активным членом Литературной студии “Откровение”, участвовал в 8-м Международном пушкинском конкурсе (Нью-Йорк), публиковался в местной прессе, журнале “Маме-лошн”, «Одесском листке» (Сан-Франциско). Четыре сборника его произведений были подготовлены и изданы И. Шафир и И. Леховицер посмертно.

Дочь рассказала о жизни и творчестве отца, которого интересовало буквально все: история, философия, политика, война, Холокост, культура, традиции и праздники еврейского народа, любовная и пейзажная лирика, стихи, посвященные любимому городу. На вечере царила по-настоящему семейная атмосфера, где все было пронизано высокой поэзией. Прозвучали его произведения, посвященные великим музыкантам, актерам, литераторам: Э. Григу, С. Михоэлсу, Л. Толстому, К. Паустовскому, А. Пушкину и другим.

С чувством исполнила свои импровизации Анна Розен. Проникновенно читала его стихи и пела песни, сыграла ноктюрн Э. Грига И. Шафир.

В конце вечера прозвучали посвящения А. Шафиру от Г. Шмульян, М. Аптекер, Л. Гроссмана, И. Чеханович, В. Бондарчука, Л. Спивака, И. Жеребкера, С. Вайнבלата и членов семьи юбиляра. Очень тепло говорила о А. Шафире замечательная певица, бывший директор Дома медработников Г. Дымова, которая в течение многих лет общалась с ним в клубе «Нестареющие души». Тепло и сердечно говорили об Александре Рувимовиче Н. Гасилина, Л. Остапенко, И. Гроссман, М. Молодецкая.

Слушатели получили огромное эстетическое наслаждение. Они выразили свою благодарность всем, кто принимал участие в организации и проведении этого вечера: Анне Розен, Елене Кукловой, Инессе Иофель, Инне Лейзерович, Симоне Яхенко, Иосифу Жеребкеру, Семёну Вайнבלату, Светлане Потепенко, Зорию Харлампи.

Жанна Михайлова

Е. Марголин

написали Евгений Марголин, кинокритик А.Клецкин и режиссер Ю.Подниекс. Вызвав огромный резонанс, создатели фильма получили высшую награду страны — Госпремию СССР.

Всегда прямой и искренний, Евгений окружал себя талантливыми людьми и сумел создать творческую команду. Не случайно коллеги избрали его художественным руководителем киностудии. Его стихи искрятся жизнью, удивляют точностью образов. Он дарит нам целый город с огнями и бульварами, трепетно-нежен в стихах о любви. А сколько затаенного мужского тепла в полушутливом стихотворении об одеяле, подсматривающем сны. Живя и работая в Риге, он уже в декабре мечтал об отпуске в родном городе. Прилетев, обняв друзей и произнес любимое: “Ну, кажется, я опять в Одессе”, он терял свою рижскую респектабельность, а речь наполнялась одесскими словами и оборотами. Словом, это был настоящий одессит. Он ушел из жизни в 1990 году в самом расцвете творческих замыслов.

На одном курсе с ним училась Майя Яворовская. Родилась она в Томашполе. Росла без отца, который не вернулся с войны. Приехав в Одессу, она жадно впитывает в себя все лучшее, что может дать город с прекрасными культурными традициями. Театры, музеи, выставки, море, архитектура, своеобразие речи и характера

М. Яворовская

южан приводят ее в восторг. “Я салютую юмору Одессы”, — восклицает она в одном из своих стихотворений.

Окончив институт, Майя работает в Новосибирске, Донецке, оканчивает филфак Ростовского университета, становится профессиональным журналистом и поэтом. В Майкопе она работает на радио и в газете “Адыгейская правда”. Желая больше узнать о своих национальных корнях, она твердо поняла одно: “Не знаю, от кого мне влило/ Презрение ко всем покорным/И ненависть к антисемитам...”

Она издала три сборника поэзии, создала литературную студию. Последние годы были омрачены болезнью. Майя уже не ходила на работу, у нее резко падает зрение. И все же она упорно продолжает творческую жизнь, проводит занятия литературной студии в своей квартире. Все чаще вспоминает Одессу... “Ах, как пахнет белая акация”. Друзья, как могли, помогали ей и морально, и материально, пока нелепая случайность не оборвала тонкую жизненную нить.

Не забываясь стало звучание ее поэтических строк в исполнении Валентины Ковач и Михаила Гаузнера, сопровождаемое экспромтами Анны Розен, созвучными таким стихотворениям Майи, как “Музыка” и “Лунная соната”. А с экрана, благодаря Зорию Харлампи, смотрели одухотворенные лица поэтов.

Казалось, они вслушиваются в звуки любимой музыки и вглядываются в лица людей, живущих в бесконечно любимой ими Одессе.

Евгения Лукьянова

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители «Нашей гостиной»!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем всегда посещать «Нашу гостиную», поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хеседа, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Особое мнение

В последнее время, к нам начали обращаться некоторые клиенты Хеседа с настойчивыми требованиями включить в нашу программу «Дневной Центр».

Как известно, вся деятельность Хеседа регламентирована

инструкциями нашего учредителя, поэтому для таких людей мы решили полностью привести соответственный параграф «Критериев постановки на учет и оказания благотворительной помощи в БФ «Хесед Шаарей Цион».

«В программе «Дневной Центр» могут принимать участие одинокие (одинокие семьи) и одинокопроживающие (одинокопроживающие семьи) вне зависимости от материального положения, нуждающиеся в общении и желающие приобщиться к еврейскими традициями и культурой, которые по состоянию здоровья не имеют возможности самостоятельно посещать мероприятия Хеседа.

Участие в программе клиентов, имеющих психоневрологические отклонения не рекомендуется.»

Как видите, согласно этим Критериям в программе «Дневной центр» не могут участвовать клиенты, живущие в семье, мобильные и психически неадекватные. Мобильность каждого клиента определяет его куратор, который вносит в его анкету запись «ходячий», «малопоходный».

В программу «Дневной Центр» нами приглашаются только те клиенты Хеседа, у кого в анкете записано «малопоходный», для которых Хесед организует доставку и создает условия для пребывания в нашем помещении. Ходячие клиенты могут посещать

Культурный Центр, в котором успешно работают многочисленные, и очень интересные кружки, клубы, студии и творческие коллективы. Посещая все это, каждый клиент может полноценно приобщиться к еврейской истории, литературе, культуре, традициям, фольклору и приобрести такую важную для здоровья возможность общения.

Для тех наших клиентов, которых живут далеко от Хеседа, куда им не очень легко добраться, в каждом районе города открыты, работают и всегда рады посетителям «Теплые дома». Эти «Теплые дома» по своему назначению во многом выполняют функции и Культурного и Дневного центров.

Закон есть закон

1 июня прошлого года Верховная Рада приняла Закон «О защите персональных данных», который теперь вступает в силу. С этим впервые принятым у нас законом можно полностью соглашаться или в чем-то поспорить с его авторами. Но мы, как законопослушные граждане и работники официальной организации, теперь обязаны все требования этого закона неукоснительно выполнять.

Вкратце суть этого закона заключается в следующем. Если вы обращаетесь в какое-либо учреждение или организацию для проведения некоторых процедур или получения услуг, то обязательно должны представить определенную конфиденциальную информацию о себе. Например, чтобы стать клиентом Хеседа, человеку необходимо сообщить нам адрес, по которому он проживает, место регистрации (то есть

прописки), национальность, состояние здоровья, размер пенсии и некоторые другие данные. При этом человек должен написать заявление по специальной форме с просьбой взять его на обслуживание. Но если Хеседу в порядке осуществления своей деятельности потребуется передать информацию о нем третьему лицу или другой организации, то, согласно новому закону, помимо этого потребуется особое письменное согласие человека. Хесед обязан регулярно направлять свою Базу данных о клиентах нашему учредителю («Джойнт»), который осуществляет строгий контроль распределения средств и получения помощи клиентам в соответствии с действующими Критериями, без которых деятельность Хеседа

невозможна, другим спонсорам, которые всегда интересуются, дошла ли их помощь до действительно нуждающихся в ней людей. Поэтому каждый клиент, который желает и в дальнейшем получать помощь, должен написать заявление по специальной форме, которым он разрешает нам передавать информацию о нем в упомянутые организации.

Тех, кто по какой-либо причине не оформит такое разрешительное заявление, мы в соответствии с новым законом, вынуждены будем снять с учета и обслуживание, а их персональные данные удалить из общей Базы данных.

Поэтому убедительно просим всех клиентов Хеседа до 15 мая нынешнего года оформить такие заявления у своих кураторов.

Вспомните, пожалуйста!

Не стоит напоминать, что Песах — праздник выхода еврейского народа из египетского рабства. Поэтому в эти дни вместо хлеба едим мацу в память о том, что с собой из рабства евреи смогли взять только пресное, практически безвкусное, тесто, которое в пустыне раскатывали на раскаленных камнях и пекли лепешки, которые теперь называем мацой. Тот, кто знаком с традициями, знает, что первый Седер начинается с такой мацы, которая не отличается от той, что ели наши предки тысячи лет назад: грубой, толстой, твердой и немного подгоревшей. Нынешняя маца несколько другая — она тонкая, хрустящая, квадратной формы, но такая же совершенно пресная.

Почти двадцать пять лет я отмечаю Песах и за все эти годы пробовал мацу, изготовленную и в Израиле, и в Америке, и в Прибалтике, и в других городах бывшего Союза. И потому, что она по незабываемой традиции полностью пресная, без каких-либо добавок, я никогда не мог понять, чем она, выпеченная в разных местах, отличается по вкусу одна от другой.

Несколько дней назад Хесед выдавал своим клиентам мацу в подарок от «Джойнта». И мне случайно довелось услышать беседу. Две дамы терпеливо выстояли очередь, получили свои заветные пачки мацы и посчитали необходимым этот отрядный факт прокомментировать:

«Ты только посмотри, что это нам дали?! Разве они не могли израильскую мацу закупить, да и вообще наша одесская всегда была самая лучшая!»

«Дорогие дамы, — хочу тихо-мирно обратиться к ним, — так и для меня она была самой лучшей, и такой останется в моей памяти та маца, которую выпекали в маленькой мацепекарне, что была во дворе полуразрушенной старой синагоги на Пересыпи, и которая была одна на всех евреев Одессы. В ней был вкус моей молодости, романтики возрождения еврейской жизни, которую чуть не уничтожила тогдашняя власть. Был привкус опасности. Ведь если твоя фотография с мацой в руках оказалась на работе или в институте, следовало исключение из комсомола или из партии, а следом — отчисление из института или

увольнение с работы. И несмотря на то, что в пасхальные дни вокруг синагоги крутились с фотоаппаратами «репортеры в штатском» со своими добровольными помощниками, мы пробирались в сумерки с заказами от родственников и соседей (не только евреев) и уносили заветные пакеты с мацой, завернутые в газеты. И это тоже был вкус рабства, современного рабства и вкус гордости, потому что мы осознавали себя евреями, а не «лицами еврейской национальности».

Теперь, когда «Джойнт» по вековой и великой традиции еврейской благотворительности обеспечивает мацой каждого нашего клиента, он рассчитывает в первую очередь на то, чтобы малоимущие евреи могли по всем правилам отметить светлый праздник.

Сейчас, слава Б-гу, мацу производства самых разных стран можно приобрести и в синагогах и магазинах кошерных продуктов. Но если вы пришли за мацой в Хесед, вспомните, пожалуйста, что этого не было и не могло быть «каких-нибудь» двадцать лет назад.

Победный май 1945 года

Лев Славин Как они капитулировали

В ночь на 8 мая я получил бумагу, которую сохраняю как драгоценную реликвию: «Предъявителю сего, писателю Славину Л. И., разрешается присутствие и работа на аэродроме и в залах заседания на особом мероприятии, проводимом командованием 8 мая 1945 года». В таких деликатных выражениях было обозначено величайшее историческое событие: акт подписания капитуляции Германии...

Стол руководителей делегаций стоял на небольшом возвышении. Это были места Жукова, Вышинского, Теддера, Спаатса, Берроу, Делатр де Тассиньи. За длинными столами перпендикулярно столу руководителей разместились многочисленные члены делегаций и представители прессы. Места немецких уполномоченных за небольшим столом в стороне были еще пусты...

Жуков поднялся и в сжатых, точных выражениях объявил цель этого собрания: принять условия безоговорочной капитуляции от командования вооруженных сил Германии.

После этого ввели немецкую делегацию. В дверях показался Кейтель. Опять он проделал эти жонглерские выпады маршалским жезлом и уселся на стул, имея по правую руку от себя Штумпфа, а по левую – Фридебурга. Прочие двенадцать членов немецкой делегации остались стоять за их спинами.

По предложению Жукова Кейтель передал главам союзных делегаций документ, уполномочивающий германскую делегацию подписать акт о капитуляции.

От глаз делегаций этот документ перешел для обозрения к корреспондентам. С интересом осматриваем его. Это – небольшая бумажка, подписанная гросс-адмиралом Деницем. В угловом его штампе – любопытное исправление. Под строкой «Верховное командование» чернилами зачеркнуто слово «Берлин» и от руки бегло написано

«Главная ставка». Эта «ставка» так быстро бежала, что не успела отпечатать для себя новых бланков...

Большого простора для разговоров у немецких уполномоченных не было. Представители разгромленной Германии, они прибыли для единственной цели: подписать безоговорочную капитуляцию. Но Кейтелю хотелось поиграть. В гитлеровской верхушке всегда господствовала страсть к театральным жестам и высокопарным выражениям. Пока читали и переводили пункты акта о военной капитуляции, Кейтель беспрерывно рисовался. На лице его и во всей позе была рассчитанная надменность. Он сидел на стуле подбоченясь, как на коне, и старался усилить это выражение комически-торжественными манипуляциями маршалским жезлом: то он на него опирался, как на булаву, то с громким стуком брякал его об стол, то с чванным видом возлагал на него волосатые длани. Когда Кейтель поворачивался, все на нем искрилось – от моногля в глазу до золоченого креста где-то возле пупа. В отличном документальном фильме «Берлин», к сожалению, отсутствуют многочисленные и очень выразительные моменты, когда с Кейтеля сползала эта его изрядно подержанная, траченная молью маска надменности и обнажалась его натуральная, смятенная, перепуганная физиономия.

Соседи его держались естественнее. На лице генерал-полковника Штумпфа, с его наружностью разжиревшего колбасника, царствовала покорная скука. Генерал-адмирал фон Фридебург, командующий военно-морскими силами Германии, казался воплощением стыда и растерянности.

Временами все трое, сблизив головы, тихо ссорились. Штумпф что-то шептал Кейтелю, смотря на него ненавидящим взглядом, и казалось, что он говорит: «Что вы болтаете? Подписывайте! Тоже нашли время трепаться...»

Для того чтобы подписать акт о капитуляции, германским делегатам пришлось пройти половину зала и подойти к другому столу, стоявшему возле президиума.

Кейтель взял перо. Защелкали фотоаппараты. Долго мы ждали этого момента. Были обращены в прах сотни

городов, разорены цветущие страны, убиты миллионы людей, и русскому народу понадобилось развернуться во всю свою исполинскую силу, для того чтобы наконец Германия была повержена, и этот серый человек с самодовольным невзрачным лицом, представляющий вооруженные силы Германии, поставил свою фамилию на лежавшем перед ним листе бумаги.

Процедура подписания акта длилась довольно долго, около часа, потому что надо было подписать много листов на разных языках. Кейтель не пользовался письменным прибором, стоявшим на столе, а подписывал собственным стилем, видимо, не желая оставлять реликвии. Это, впрочем, не помешало впоследствии одному из корреспондентов завладеть чернильницей, как он выразился, «на память». Все в этом зале казалось реликвией, все дышало историей.

Фридебург подписывал услужливо склонив свое длинное тощее тело. Толстяк Штумпф подмахивал быстро, не читая.

Но вот акт подписан. Кейтель натянул перчатки, величественно надул и сделал движение, словно собираясь начать речь. Но маршал Жуков сухо сказал: «Немецкие уполномоченные могут быть свободны».

Бывшие гитлеровские генералы сгрудились в дверях, снова мы увидели ту же надоевшую игру маршалским жезлом – и немцы исчезли в берлинской ночи. Солдатски топая, они удалились под конвоем в свое помещение. Так кончилась война, самая грандиозная, какую знает человечество.

Я подошел к открытому окну. И странное ощущение – какая-то пронзительная смесь счастья и небывалости – вдруг охватило меня. Я не мог понять, откуда оно идет. Я смотрел в окно и видел звезды, огни в домах, позади меня, из зала, лились на улицу ослепительные потоки света... Ах, вот оно что! Нет больше затемнения! Вот откуда это ощущение сказочного счастья! В первый раз с июня сорок первого года я смотрю из освещенного окна в ночь. Сколько раз за четыре года я мечтал об этом моменте! И вот он пришел – в Берлине, в доме, где только что сдалась фашистская империя.

Наденьте ордена! Если вы их, конечно, заслужили...

Для нас, переживших кошмар Великой Отечественной, 9 Мая всегда было и остается главным праздником, и никого не смущает, что в Европе День Победы отмечают 8 мая, а мы – на день позже. Ну и что? Праздник этот всегда с нами.

Правда, в 1947 году 9 Мая сделали рабочим днем, потом перестали выплачивать фронтовикам «наградные» – небольшие деньги за кровью добытые на фронтах войны награды. В общем, праздник несколько поблек. И наших отцов и дедов все реже и реже можно было увидеть при орденах и медалях. Звучит нелепо, но факт непреложный: герои начали стесняться наград, которыми как побрякушками играли их дети и внуки!

Ситуация изменилась в год 20-летия Победы, в 1965-м, когда 9 Мая вновь объявили нерабочим днем и праздник восстановили в своих правах – с праздничными шествиями и салютами. А через год композитор Оскар Фельцман и поэт Владимир Сергеев написали проникновенную и, если хотите, полезную песню – «Фронтвики, наденьте ордена!»:

*Была война, но мы пришли живыми,
Чтоб новой жизни сеять семена.
Во имя павших и живых во имя,
Фронтвики, наденьте ордена!..*

И опять в дни празднеств мы видели ветеранов с орденами и медалями. Некоторые из скромности или по иным соображениям вместо орденов и медалей носили орденские планки, каждая из которых соответствует той или иной награде. Любой мог заказать в мастерской такие планки, не предъявляя документов о наличии у него соответствующих орденов и

медалей. Этим и пользовались проходимцы, демонстрируя наличие наград, не имея к ним никакого отношения. Вспоминаю инцидент, произошедший 9 Мая 1975 года, когда жители нашего города-героя Одессы праздновали 30-летие Великой Победы.

В пятом классе с нами начал учиться переведенный из другой школы Ромка Кравец – толстый и неопрятный переросток-второгодник, вечно жующий на уроках доставаемые из-под парты бутерброды. А были они, прямо скажем, обалденные: белая булка с маслом, с толстым пластом колбасы. На дворе стоял голодный 1948-й год, и никто в классе так не роскошествовал. Как-то его сосед по парте не выдержал одурманивающий колбасный аромат и попросил Ромку на нашем мальчишеском языке: «Дай кецык!». Верзила молча переложил бутерброд из правой руки в левую, а пальцами правой свернул кукиш и сунул его под нос соседу. С тех пор Ромка для всего класса стал неприкасаемым. Несколько раз он пытался подкупом втереться в доверие к самым крепким одноклассникам, но с презрением изгонялся, а иногда и по шее зарабатывал. Однажды, не выдержав бойкот, Ромка предложил «постукаться», то есть подраться один на один, выбрав в соперники самого низкорослого из нас, но попал впросак: Костя, хоть и маленького роста, оказался крепким бойцом, приобрел в этом деле опыт, участвуя в драках с «канавскими», то есть с ребятами, живущими в домах на спусках. И он первым же ударом расквасил Ромке нос и обратил в позорное бегство.

Проучившись с нами в обстановке полного презрения два года и оставшись в

6-м классе в очередной раз на второй год, он из школы ушел. Несколько раз его видели в шикарных импортных тряпках, с опущенными кокетливыми усиками, направляющимся на танцплощадку «Огни маяка» в парке им. Шевченко. Потом мы узнали, что Ромкин папаша, убедившись в бесталанности отпрыска, забрал его из школы и пристроил своим помощником на бензоколонку. А мы в классе временного прожорливого «попутчика» и не вспоминали.

...Праздничное шествие подходило к концу. Возложив к памятнику Неизвестному матросу цветы, мы с друзьями шли по парку, обсуждая, где отметить праздник. Подошли, было, к ресторану «Лето», что напротив стадиона, – а там очередь. Идти «в город» заведомо было безуспешно: в те времена в центре имелся едва ли десяток ресторанов. Решили купить нехитрую закуску, вернуться в парк и расположиться на травке – в этот день милиция на такие «шалости» смотрела сквозь пальцы.

Так и сделали: зашли в гастроном на Успенской, тогдашней улице Чичерина, и стали в очередь. Вдруг видим, как к прилавку, не обращая внимания на очередь, продирается какой-то жлоб. Мой приятель хлопнул его по плечу и предложил не наглеть. А тот, не оглядываясь, сбросил его руку со своего плеча, повернулся и громко провозгласил: «Я – ветеран Отечественной войны!». Он продолжал оттеснять стоящих у прилавка людей, и в это время, хоть столько лет прошло, я узнал его – Ромка Кравец, постаревший, с огромным пузом, но – точно он! Я мгновенно оказался рядом: «Ну-ка, мразь, стань в очередь!»

Ромка с выпученными от ярости глазами повернулся ко мне, и я увидел на его шикарном темно-синем пиджаке... орденские планки – в три ряда по четыре в каждом, а одна соответствовала медали «За оборону Одессы!». Ненависть застала глаза: «Что за маскарад? Сними планки, гаденьш, и пошел вон отсюда!»

Ромка узнал меня, я понял это по его побелевшей физиономии и беспомощно бегающим узеньким глазкам. Очередь замерла, и он пошел, что называется, ва-банк: «Как вы смеете?! За эти награды я проливал кровь!» «Заткнись, гнида! Кровь ты, действительно, пролил, когда Костя в классе надавал тебе по твоей наглой роже. Может, ты еще сыном полка был? Или ты сейчас «делаешь ноги», или я вызываю милицию, и пусть разберутся с твоими наградами». Ромка затравленно оглядел очередь, уже проявляющую интерес к нашему диалогу, рванул от прилавка и пулей вылетел из магазина. «Вот негодяй! – запоздало загалдела очередь. – Откуда они только берутся, эти проходимцы?»

А Ромку я больше не встречал. Никогда.
Анатолий Горбатюк

Март 2011г.

О чем бы мы ни говорили, мы всегда говорим о себе. Тема не имеет значения; от египетских манускриптов или марсианских каналов собеседник незаметно планирует на заранее подготовленный аэродром. Дурного в этом ничего нет: противоборство с вечностью заложено в человеке на генетическом уровне. Страх навсегда исчезнуть из этого мира движет как рукой обормота, царапающей на безумной высоте "здесь был Вася", так и пером знаменитого писателя.

Сочинил же какой-то бездельник, что чем глубже личность, тем интереснее рассказ. На самом деле, статья оригиналом весьма просто. Необычное – та же заурядность, только стоящая на сантиметр от столбовой дороги. Хотите пример? Пожалуйста. Все люди рассказывают о себе, а я расскажу о своей бабушке.

Моя бабушка родилась в Одессе, в самом начале двадцатого века. Прадедущка Хаим снимал большую квартиру в одиннадцатом номере Треугольного переулка. Там бабушка и прожила до самого замужества. Одеситам название переулка и номер двора сразу скажут обо многом. Тех же, кто не удостоился родиться в нашем городе, я прошу спокойно продолжить чтение. Не волнуйтесь, все тайны будут раскрыты.

Поскольку ни очевидцев, ни домовой книги не сохранилось, я могу писать, о чем вздумается. Но самый сильный ход заключается в том, чтобы говорить правду. Врать трудно, на этом и основан полиграф. Лжецы напрягаются чуть больше, потеют слегка обильнее, и датчики сообщают об этом опытному наблюдателю. Но как проверить сочинителя, ведь не станешь после каждой книги присоединять его к детектору лжи и грозно допытывать – а это было? И вообще, чем писатель отличается от обыкновенного враля? Старый-престарый вопрос, и ответ на него давно найден.

Выходящее из сердца всегда доходит до других сердец, а вранье неизбежно повисает в воздухе. "Верю!" читателя превращает вымысел автора в правду такой мощи, что подлинные события немеют перед придуманной истиной. Хотите подробности? Пожалуйста, но чуть позже.

Одиннадцатый номер представлял собой типичный одесский дворик. По периметру его обгibal деревянный балкон, на который выходили двери квартир второго этажа. У дверей стояли столы, а на столах примусы, дабы керосиновый чад не отравлял комнаты. Поскольку на примусах всегда бурлили кастрюли или шкворчали сковородки, то, помимо чада, со второго этажа струилось блаженство ароматов южной кухни. Слегка принохавшись, можно было определить, что готовит тетя Песя и сколько чеснока съел, вернувшись из порта, старый Бимбас.

Тайн во дворе, как в сегодняшнем Интернете, не существовало. Виноваты ли распахнутые из-за жары окна, помноженные на зычные голоса обитателей, или всему виной южный темперамент, превращающий любую заставку в маленькую драму, где все, кроме децибелов, слегка понарошку?

Простите, я забегая вперед. Всякий одесский двор начинается с ворот, и чем вычурнее узор их тяжелых створок, тем солиднее ощущают себя обитатели. Один чудак погулял по Одессе с фотоаппаратом и в результате защитил кандидатскую диссертацию. На чем вы думаете? А ни на чем, на тех самых узорах. Защита диссертации происходила в счастливые шестидесятые, когда за границу пускали только партийных работников с плотно завязанными глазами. В наши дни такого соискателя, скорее всего, провалили бы с позором.

Несколько лет назад я побывал во Франции и, наконец, понял, почему Одессу называли "маленьким Парижем". Маленьким, потому что много утащить не смогли, денег хватило только на мелкие детали архитектуры. Я узнавал решетки под платанами, и сами платаны, и формы карнизов, и виды чердаков, и те "самобытные узоры" на створках.

Именно в Париже мне объяснили назначение таинственных тумб по обе стороны ворот. Где каменные, а где чугунные, они были обязательной принадлежностью старых одесских дворов. Сколько я ни пытался выяснить, ни одна живая душа не могла объяснить, для чего их врыли в землю по самые плечи. Истуканы, словно статуи острова Пасхи, хранили свою тайну, беззвучно посмеиваясь над моими расспросами. И как всегда, для самых таинственных обстоятельств существуют самые простые объяснения.

Яков Шехтер

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

р а с с к а з

Тумбы парижских дворов защищали косяки ворот от ступиц въезжающих и выезжающих карет. В одесские дворы кареты сроду не езживали, но... маленький Париж, la noblesse oblige – положение обязывает. Впрочем, в бабушкин двор однажды все-таки заехала карета, но и об этом – чуть позже.

Посреди двора, в крошечном скверике из двух деревьев и одной колченогой скамейки высился колодец с проржавевшим воротом. Устье колодца являло собой шедевр одесской архитектуры девятнадцатого века. Оплывшие каменные обручи, полустертые гроздя винограда, лица с сифилитически провалившимися носами... Колодец был наглухо забит деревянной крышкой, прочность которой служила предметом неустанных забот управдома и дворника. Утверждали, будто камушек, брошенный через проколупнутую перочинными ножами дырку, летит до водной глади около тридцати секунд. Насколько мне известно, по своему прямому назначению колодец использовали дважды: первый раз – сразу после постройки, то есть, чуть ли не при Пушкине, а второй – во время блокады сорок первого года.

В конце двора, возле каменной стены, прилепились сараи, раньше угольные и деревянные, а потом просто подсобки. По их крышам поступью Командора вышагивали дворные коты. Это были здоровенные горластые твари, способные переорать даже тетю Песю. Кормились они от всех жильцов, требовательно рыча под окнами. Жильцы сами любили похушать, но и котам оставалось.

Прадедущка Хаим занимал первую от ворот квартиру, с окнами в переулок, за ним жили богачи Пиперы, а за богачами – Вайсбейны. "Богачи", те еще богачи, если жили в Треугольном переулке, слегка держали дистанцию, а вот Лёда – сынишка Вайсбейнов – целые дни проводил с Зисей, средним сыном прадедущки. Зися, как и четверо его братьев, не вернулся с фронта. Последнее письмо от него пришло из осажденного Севастополя.

Лёде очень нравилась моя бабушка, нравилась настолько, что он даже сделал ей предложение. Бабушка была не против, но прадедущка Хаим встал горой. Его соображения были начисто лишены романтики и зиждильских на, казалось бы, совершенно материальной основе.

– Что есть у него в руках? – спросил прадедущка на семейном совете. – Из гимназии его выгнали, из Ришельевской, даже из Ришельевской! Что я скажу людям, что у меня зять, которого выгнали даже из Ришельевской гимназии?

Соображение было весьма основательным, до Лёды из Ришельевской не исключили ни одного человека. Это учебное заведение славилось катастрофической мягкостью нравов и, чтобы вылететь из него, надо было хорошенько постараться. Закончить обсуждение прадедущка решил эффектным жестом. Он был краснодеревщиком высшего класса и во всяком деле ценил доводку, последний взмах кисти.

– Папа отдал его в сапожники, мальчик сбежал, пытался пристроить в столяры – он не переносит древесную пыль, а от иголки и ножниц у него, видите ли, болят глаза. Чем он занят? расклейкой афиш у кинотеатров? распеванием песенок перед началом сеанса? Талант, вы мне говорите, талант... На талант хорошо смотреть из зала, а в доме нужно иметь что посерьезней!

На этом Лёдино сватовство закончилось. Бабушка долго не выходила замуж, безжалостно бракуя претендентов, и только в тридцать шестом году приняла предложение начальника цеха, в котором работала. Через год родилась моя мама, а в сорок первом дедушку забрали на фронт. Впрочем, все эти события произошли гораздо позже, чем история, которую я хочу рассказать.

Случилась она в девятнадцатом или двадцатом году, точнее бабушка не могла вспомнить. Времена наступили лихие, и многие хорошие еврейские мальчики пошли в бандиты. Нет, убивать они не убивали, но раздеть на улице

человека было для них что папиросу раскурить. "Богачи", соседи прадедущки, сильно боялись налета. Что уж там у них было брать, но люди боялись...

Впрочем, вскоре выяснилось, что их опасения имели под собой основу. На всякий случай Пиперы договорились с прадедущкой и Вайсбейнами: если придут, они стучат условным стуком в стену, а те бегут за милицией. Так и получилось.

Сначала "богачи" постучали к Вайсбейнам, но тех не оказалось дома. Тогда начали стучать к прадедущке. И прадедущка не подвел – грузовик с бойцами ЧОНа примчался через десять минут.

Когда в дверь забарабанили приклады, грабители вдруг превратились в хороших еврейских мальчиков.

– Спасите нас, спрячьте, эти "хазейрим" даже до участка не доводят, расстреливают у ближайшего сарая.

Насчет "хазейрим" они слегка привирали, многие ЧОНовцы ходили вместе с грабителями в один хедер. Тонкость вопроса состояла в том, что Пиперы, несмотря на типично еврейскую внешность, были болгарскими.

"Богачи" растерялись, но бандиты принялись так просить, так умолять, так плакать, что даже самое железное сердце в мире сдалось бы под их напором. Грабителей спрятали в шкафу, а ЧОНовцам соврали, будто налетчики ушли за минуту до их приезда. Мальчики просидели в шкафу до глубокой ночи, сердобольная хозяйка кормила их картошкой с морковным чаем и расспрашивала о родственниках. Уходя, злодеи пообещали:

– Мы ваши должники, если что понадобится, не стесняйтесь, вы нам помогли – и мы вам поможем.

Подобного рода обещания забываются через минуту, в лучшем случае, на следующий день. Но налетчики все-таки получили приличное воспитание, их учили помнить добро и воздавать сторицей. Увы, ничто так не поддается коррозии жизни, как хорошее воспитание. К счастью, случай воспользоваться услугами бандитов представился довольно скоро.

У Пиперов служила сирота из еврейского местечка Красные Окна. Варила, убирала, стирала, одним словом – Золушка. Золушка Золушкой, но и на нее нашелся принц, еврейский мальчик откуда-то с Бугаёвки. Чем именно он занимался, история не сообщает – может, извозом, может, привозом, но не это главное. Главное – надо было устроить "заручення".

Заручення – это ворт, эрусин, помолвка. В Одессе, в те годы, как бы репетиция свадьбы, а по количеству выпивки и закуски – репетиция генеральной. Поскольку у девушки, кроме хозяев и соседей, родственников не оказалось, то выдавали ее замуж всем двором.

Заручення – это хорошо, но где взять еду? Время стояло голодное, даже "богачи" пили морковный чай с картошкой. Голодные коты выли по ночам, как тигры, и злобно точили когти о деревья у колодца. Пришлось обратиться к бандитам.

На какое другое дело они, может, и не откликнулись бы, но на выпить и погулять отозвались о-го-го! Утром дня помолвки во двор заехала телега, груженная продуктами. Был объявлен общий сбор, и хозяйки, изголодавшиеся по хорошей готовке, принялись за дело. Запах поднялся такой, что прибежали коты даже с Тираспольской.

Заручення гуляли шумно. Бимбас, как всегда, напился и принялся проклинать турок. Он был контрабандистом, старый грек Бимбас, и всю жизнь обворовывал сначала царя, а потом Совнарком. В Греции он сроду не бывал, но алкоголь пробуждал в нем гидру патриотизма. Бимбас стучал кулаком по столу и, целуя затертую открытку с фотографией греческого крейсера, пел что-то на родном языке. Так ему казалось. На самом деле, путая греческие и еврейские слова, Бимбас исполнял "Купите папиросы". "Аф идиш" он говорил не хуже любого еврея, и в сорок первом году его по ошибке, вместе с не успевшими эвакуироваться соседями, сожгли в бараках за городом.

Налетки привезли с собой скрипача и флейтиста. Шепот скрипки и хохот флейты заполнили двор. Когда село солнце и над крышами проступили крупные звезды юга, приехал Мишка Япончик. Моя бабушка, конечно же, гуляла на помолвке, и впервые о короле одесских бандитов я узнал от непосредственного свидетеля. Бабушка любила вспоминать свою молодость – наверное, это свойство всех бабушек – и любила о ней рассказывать. Когда она доходила до этого места, я всегда спрашивал:

– Ну, и какой он был, Мишка Япончик? Как выглядел, что носил, о чем говорил?

– Да ничего особенного. Рыженький, плюгавый такой, лицо в оспинках, а глаза чуть раскосые, как у японца. Во что одет был – не помню, одет, как в те годы одевались. Весь вечер он молчал, только в конце поднял руку с бокалом. Все сразу замолкли, Япончик приподнялся со своего места и негромко произнес:

“Здоровье молодых!”

“Молодыми” они еще не были, но кого это волновало? Гуляли до утра, теплая ночь, вздыхая и прислушиваясь, стояла за окнами.

– А штейгер, на котором приехал Япончик, – тут бабушка поднимала указательный палец, – штейгер стоял всю ночь!

Наверное, по тем временам это считалось неимоверной роскошью, почти преступным расточительством. Лошади штейгера, большой коляски, похожей, скорее, на маленькую карету, объели кусты в палисаднике у колодца и украсили двор пахучими колобками. Утром Мишка устало повалился в темную глубину кареты, извозчик заботливо поднял верх, и застоявшиеся лошади, взяв с места в карьер, задели ступицей правого колеса чугунную тумбу у входа. Глубокая царапина, уже едва заметная под наслоениями краски, видна до сих пор.

– А с молодыми, что с ними стало, бабушка?

– Они поселились где-то на Бугаевке, он пошел учиться, окончил рабфак, работал инженером на Канатном заводе. Перед войной его арестовали, она поехала за ним на Магадан, и больше я о них ничего не слышала.

Когда бабушка начинала рассказывать о прошлом, я никогда не знал, куда уведет ее ниточка воспоминаний. Двадцатые годы перетекали в шестидесятые и, совершив пируэт, возвращались в сороковые. В памяти бабушки события увязывались по иным законам, история в её интерпретации совсем не походила на плавное перемещение по оси времени, а скорее напоминала американские горки.

За несколько дней до начала блокады Одессы в доме прадедушки собралась вся семья. Из огромной “мишпухи” остались только старики и женщины, мужчины уже воевали на разных фронтах. Речь зашла о вечном – ехать или не ехать. После недолгого обсуждения решили остаться.

– Одессу не отдадут, – утверждал дядя Мойше, парикмахер Дома офицеров. Он стриг самого генерала Петрова и поэтому считался большим знатоком по стратегической части.

– И кому всё оставим, – вторила тетя Циля, вспоминая недавно купленную перину. Три года она собирала на нее деньги, и бросить вот так, за здорово живешь, представлялось совершенно невозможным.

Прадедушка Хаим сидел с отсутствующим видом. Слова кружились по комнате словно мухи, цеплялись за занавески, ползали по влажной клеенке.

– Цыц! – вдруг закричал он и ударил кулаком по столу. Удар был такой силы, что столешница треснула.

– Собирайте деньги, документы и немедленно в порт. Может быть, успеем на пароход.

Бабушка смотрела на него изумленными глазами. Сколько она себя помнила, прадедушка ни разу не поднял голос.

Собрались быстро. Очередь к сходням начиналась чуть ли не у Потемкинской лестницы. Через несколько часов терпеливого переминовения с ноги на ногу, когда до поручней трапа осталось несколько десятков метров, началась бомбежка. Самолеты пронеслись так низко, что бабушка успела разглядеть лицо немецкого летчика в больших очках.

Несмотря на обстрел, из очереди никто не ушел. Перед самым трапом моя трехлетняя мама начала страшно плакать. Оказалось, что забыли ее любимую игрушку – тряпичную мышку Мими. Без Мими мама отказывалась

уезжать. Прадедушка внимательно посмотрел на маму и вдруг вышел из очереди.

– Сходи за куклой, – сказал он бабушке. – Видишь, как ребенок просит.

Бабушка оторопела.

– Я не успею вернуться до отхода.

– Так не успеем.

Мими, заботливо наряженная в два платья и шапочку, грустно сидела на стуле. Когда бабушка прибежала обратно, пароход уже разводил пары на рейде. Оставшиеся, целая толпа, зачарованно следили за его маневрами. Из трубы повалил густой черный дым, пароход протяжно загудел и двинулся в открытое море. Под форштевнем начал закипать белый бурун, полоса дыма, гонимая ветром, потянулась к Пересыпи. И вдруг – тут бабушка всегда останавливалась на несколько длинных секунд – пароход со страшным грохотом выскочил из воды и развалился на две половины.

– Мина, – закричали в толпе, – плавающая мина!

Обломки затонули со скоростью ломаного железа. Через минуту на поверхности воды осталось только огромное пятно масла. В наступившей тишине раздался голос мамы.

– Как хорошо, что мы опоздали! Мими совсем не умеет плавать.

На следующий день Пипер привел к прадедушке знакомого возчика. Бабушка уложила на подводу несколько чемоданов, посадила маму. Прадедушка и другие домашние пошли пешком, держась за борта. Через несколько дней они благополучно добрались до Николаева, а из него – в Сталинабад.

Когда мне исполнилось десять лет, отец купил у спекулянтов “Избранное” Бабеля – тоненькую книгу в коричневом переплете. Проглотив “Одесские рассказы”, я побежал к бабушке. Бабушка читала много и основательно. Больше всего она любила толстые исторические романы. За чтение она принималась после окончания телевизионных передач и часто засыпала в постели над раскрытой книгой. Видимо из-за этого, каждую книгу она читала по несколько месяцев. Но Бабеля бабушка прочла быстро.

– Вранье, – постановила она, возвращая мне книгу. – Во-первых, так никто не разговаривал. Он собрал все словечки, низил вместе, как баранки на веревочку, и хочет доказать, будто так оно и было. А я говорю – не было! А во-вторых, Мишка Япончик. Фармазонщик, бандит, головорез! Скольких людей покалечил, сколько слез из-за него пролилось. А Бабель сделал из него Робин Гуда. Вранье, сплошное вранье!

Честно говоря, бабушке я не поверил. В детстве вообще больше веришь цветастым обложкам и звонким именам, чем тонкому голосу тишины. Детство для меня категория не возрастная, а духовная. Есть старые дети и ребячливые старики. Впрочем, это триумф, общее место. Но с другой стороны, я ведь и не обещал потчевать вас оригинальным варевом. Так, похлебкой из цитат.

“Наверное, – думал я, – была и другая Одесса, не та, в которой жила бабушка. Вернее, было много Одесс, как и сегодня много Иерусалимов, Петербургов и Конотопов. Но даже в той самой Одессе Бабель смог увидеть и записать то, что ускользнуло от дочери краснодеревщика”.

Сомневаясь и негодуя, я пошел к Адасе, старшей сестре моей бабушки. Адася отличалась феноменальной памятью, она помнила все или почти все. Поскольку ее детство пришлось на самое начало двадцатого столетия, она помнила посещение Одессы Николаем Вторым. Еврейская женская гимназия, где училась Адася, в белых платьях выстроилась вдоль Пушкинской с цветами в руках. Адася, благодаря живости характера, всегда оказывалась в первом ряду. Спустила восемьдесят лет она подробно описывала фасон и цвет платья императрицы, которая махнула ей рукой из окна кареты.

За два дня до нашего отъезда в Израиль Адася упала, сломав шейку бедра. В Вену я привез ее в полубессознательном состоянии. Представитель Сохнута не шибко возликовал при виде девяностолетней старухи на носилках, но Адася заметно оживилась.

– Янечка, – сказала она мне громким шепотом, – позови его сюда, я спою ему песенку.

В полной уверенности, что у Адасы от перелета совсем замутилась голова, я принялся ее отговаривать.

– Нет, позови, позови обязательно, – настаивала Адася.

Пришлось позвать. И тогда Адася запела ему “Хатикву”. За всю свою жизнь я ни разу не слышал от нее ни одного слова на иврите. И вот, прорвало. Видимо, в еврейской гимназии разучивали не только “Боже, царя храни”.

Представитель Сохнута чуть не заплакал от умиления и побежал заказывать “амбуланс”. Адасю отвезли в больницу, сменили гипс, накачали лекарствами. В Израиль она прилетела почти в нормальном состоянии. В реховотской больнице “Каплан”, куда я отвез ее прямо из аэропорта, она вдруг начала читать надписи на больничных простынях. Самое удивительное, что она не только читала, но и переводила, и переводила правильно!

Стомиком Бабеля под мышкой, я отправился к Адасе, в те годы еще весьма бойкой или, как написал бы Исаак Эммануилович, жовиальной старушке. Быстро пробежав глазами текст – Адася читала с безумной скоростью, сто страниц в час – она постановила:

– Не было этого. То есть, может, и было, но не в Одессе. А уж Одессу, – тут она улыбнулась, – уж Одессу я знаю хорошо!

Признаюсь честно, об этом несоответствии я забыл на следующий день. В десять лет столько всего происходит с человеком, что частные вопросы литературы сами собой отступают на второй план. Спустила много лет я вспомнил свое небольшое расследование, но теперь это несоответствие уже не кажется мне странным.

Правда литературы сильнее, чем правда жизни. Бабель создал свою Одессу, свой одесский язык и своих одесситов, и этот придуманный мир, словно чугунные створки ворот, перекрыл живую реальность. То есть, подлинная история осталась, можно пойти в музей, поднять архивы, а сегодня влезть на нужный сайт в Интернете. Но кого это волнует, как оно там на самом деле? Абсолютное большинство говорящих по-русски убеждено, что в Одессе разговаривали так, как написал Бабель, а Мишка Япончик – невинно убиенный большевиками Робин Гуд с Малой Арнаутской.

Из этого логического построения следует замечательный вывод. Подлинная история создается не в правительственных кабинетах, а под пером писателя. То, как сегодня выглядит Израиль, о чем спорят в России и как живут в Америке, будут судить не по толстым монографиям, а по книжкам в мягких переплетах. Хочется воскликнуть: берегите писателей! – но вот это действительно банально.

Ну, вот, мы и добрались почти до конца. Осталось несколько эпизодов, которые я обязан досказать.

Одесса показалась Лёде Вайсбейну провинциальной. Талант требовал простора, и Лёда переехал в столицу, сменив чересчур характерную фамилию на псевдоним – Утесов. Под этим именем он и вошел в историю – настоящую или созданную музыкальными критиками – не всё ли равно? Артистом Леонид Осипович оказался большим, понастоящему большим. Его узнавали на улицах, им восхищались, и Леонид Осипович, не скупясь, дарил людям радость общения с талантом. Особенно щедро он оделял женщин. Что при этом чувствовала его жена, никого не интересовало: жена артиста – это особое призвание, а большого – призвание вдвойне. Елена Яковлевна терпеливо сносила сложную личную жизнь мужа, и тот, кто немного знаком с печальной историей семьи Утесовых, не может не оценить мудрость прадедушки Хаима.

Прадедушка дожил до глубокой старости и умер, увидев правнука, то есть меня. Из его огромной семьи остались в живых только две дочери; пятеро сыновей и зятья не вернулись с войны. Но прадедушка до последнего дня верил в милость Творца и утверждал, что с Неба на землю спускается только хорошее.

Бабушку и Адасю я привез в Израиль, обе они покоятся в Святой Земле. С ее высоты память об Одессе представляется мне глубоким колодцем, тяжелую крышку на устье которого я предпочитаю не открывать.

По ночам, когда бешеные израильские коты начинают свои разборки, я просыпаюсь и подолгу стою у окна. Вдалеке взмывают красные огоньки – с военного аэродрома Тель-Ноф уходят в патрульный полет “Фантомы”. То, что за мою безопасность отвечает не генерал Петров, а Рабинович или Шарон, успокаивает. Реховот не отдадут. Я поправляю сетку от комаров над кроватью дочери. Дасенька спит, обняв бабушкин подарок – розовую мышку Мими.

Реховот, Май-2000

Вера Инбер

Место под солнцем

Повесть двадцатых годов

Начало в №46

Для меня все это было особенно важно. Сравнительно недавно выяснилось, что, регистрируя продовольствие для общественных столовых, я не могла быть полезна родной стране. Затем я читала учителям и учительницам о финикийских купцах — это было уже лучше, но и это кончилось очень скоро. А между тем мой бывший начальник, продовольственный комбриг Шуляк, недаром ведь постукивал карандашом меня по лбу, говоря: «Что у вас тут жужжит? Может, что нужное нам». Теперь снова представлялся случай выяснить, что там «жужжало» и «жужжало» ли вообще.

Полудетские воспоминания, связанные с театром, хранили в себе нечто вполне трогательное. Это были воспоминания о пьесе «Во дворе, во флигеле» Чирикова, разыгранной гимназистами и гимназистками на дачной сцене, освещенной свечами и керосиновой лампой. Комары тучами летели на свет и липли к загримированным щекам. Занавес из простынь на кольцах задерживался нехотя. Во время спектакля рядом в цветнике распускались ночные цветы и квакали лягушки. Тогда мы знали, как играть и, главное, что играть. Теперь мы не знали ни того, ни другого.

— Госп... товарищи, прошу вниманья, — начал Аркадий Грам.

Все умолкли, и даже Анеля закрыла свой маленький свежий рот, которым она произносила тысячу глупостей в минуту.

Грам произнес небольшую, но ловко придуманную речь. Он упомянул о том, что в стране война, что в то время, когда бряцает оружие, музы молчат (так говорили римляне). Но что в данное время война идет на убыль, уже настает время заговорить музам, и что Талия имеет такое же право голоса, как и остальные.

— Простите, я перебыю вас, — сказал товарищ Покорный, напряженно слушавший Грама. — Кто, вы говорите, имеет право голоса?

— Талия, муза театра.

— Ага, — снова сказал товарищ Покорный и, опустив голову, стал смахивать остатки пищи с центрального стола.

Грам продолжал. Он указал на то, что в центре, в Москве, революционные зрелища стоят уже на должной высоте, но что мы вследствие своей оторванности должны начать всю работу сначала и прежде всего найти собственный репертуар.

— Я все время повторяю, — взорвался Лева, — что необходимо ехать в Москву. Но так как обстоятельства против, то надо попытаться наладить все это здесь. Нет пьес? В чем дело? Мы сами напишем их.

Все посмотрели друг на друга, и никто не произнес ни слова.

Потом говорил товарищ Покорный:

— Товарищи, я здесь, так сказать, со стороны человек. Но театр я всегда любил, и если бы не то, что время революционное, я был бы теперь, я так полагаю, известен на сцене. Я, когда еще мальчишкой был, все думал об этом, но опять-таки времени не было: то завод, то кружок, то прокламации распространять.

— А вы бы, — сказала Анеля, — их не распространяли. Их можно было бы по почте посылать, а вы в это время могли бы заниматься любимым делом.

— Надо вам сказать, — продолжал, воодушевляясь, товарищ Покорный, — как это у меня первый раз получилось с театром. Было мне дано поручение от наших бросить с галерки прокламации. Пришел я в театр в первый раз в жизни, а было мне шестнадцать лет. Пришел, билет у меня, все как следует. А на сцене, в театре, «Кармен» идет, опера. Как запела она, эта женщина, эта Кармен... Соблазняет офицера, во рту цветок, желтый платок на ней. Простая работница, на фабрике работала, — это меня и расположило к ней. И так я заслушался, загляделся, залюбовался на нее, что забыл о своем деле. В первый раз в жизни забыл. Один товарищ в партере сидел и должен был мне знак подать. Так он потом рассказывал, что едва ума не лишился. Вынул платок носовой, как было условлено, махнул им до неосторожности ясно, а я — ничего. Потом только спохватился. В тот раз меня и арестовали. Был я потом еще два раза в театре, — продолжал товарищ Покорный. — Как только из тюрьмы вышел, в театр пошел. «Аиду» видел, это хорошо, а вот «Онегин Евгений» слабовато. Совсем слабо.

— Почему? — спросили мы удивленно.

Но товарищ Покорный не понял нашего удивления и, наоборот, сам удивился:

— Как почему?

И он пояснил нам, что Аида — угнетенная рабыня и что на ее примере ясно видно, к чему приводит эксплуатация правящих классов. Что же касается «Онегина», то эта дворянская любовная история малоинтересна.

Это был, видимо, настоящий классовый подход к искусству, который до сих пор был нам неизвестен.

Товарищ Покорный выразил желание, чтобы пьесы у нас ставились «созвучные эпохе и вполне революционные». И еще была одна робко высказанная просьба: чтобы нашлась для него ролька с пением на басах, потому что «верхи у него не выходят».

В этот день новый театр оформился окончательно. У него обозначилось лицо, он получил имя: звали его «Созэп», что означало «Созвучный эпохе». Он начал дышать, молодой «Созэп», сын четырех отцов и трех матерей, потому что труппа состояла из семи человек.

Глава восьмая

Одного человека спросили:

— Почему вы живете так сложно и хлопотливо? Зачем в вашей жизни столько поступков и встреч? Зачем?

Он ответил:

— Я консервирую воспоминания. Впоследствии вся сложность и хлопотливость испарятся как посторонняя примесь. И останется крепкий и чистый жизненный экстракт, которым я буду питать свою старость.

Я не принадлежу к поклонникам этого человека. Его скептическая мудрость и расценивание юных дней, как продукта для консервов, мне чужды. Кроме того, сама эпоха заботится теперь о том, чтобы снабдить нашу старость целым ворохом трогательных и грозных воспоминаний.

Но с «Созэпом» случилось именно то, что предсказал неизвестный: все плохое отлетело от него. Забыты все подготовительные муки, остались в памяти только достижения.

Мучительность репетиций, которые не шли, а стояли на месте, когда все не ладилось, когда исполнитель никак не мог войти в свою роль, а суелся где-то сбоку, когда товарищ Покорный хотел спеть тоном выше и не мог, а Анеля Костырько могла бы разговаривать тоном ниже, но не хотела. Все это забыто теперь, остались в памяти только достижения, удачи, славные минуты, когда спектакль шел как по маслу и переполненный театр (двести пятьдесят зрителей: такова была его вместимость) аплодировал нам изо всех сил своих пятисот ладоней.

На первом собрании в своей вступительной речи Аркадий Грам доложил, что в центре, в Москве, революционные зрелища стоят на должной высоте, но что мы вследствие своей оторванности... и так далее. Мы были рады узнать, что Москва так хорошо устроена, но нам было от этого не легче.

На том же заседании Лева Симцис, не знающий сомнений, бросил крылатое слово о том, что — в чем дело, если нет пьес, мы напишем их. И мы написали.

По совести нельзя сказать, чтобы все написанное нами было вполне созвучно эпохе. Положительно, были отклонения от правильной линии, но это объяснялось тем, что мы каждую неделю давали новую программу: ведь публика у нас всегда была одна и та же. Каждую неделю!.. За это многое простится.

У нас, особенно вначале, был смутный репертуар, похожий на испорченный негатив. Пьесы писали мы с Грамом, и тут-то я сделала открытие, что Шуляк, мой бывший начальник, был до известной степени прав: во мне «жужжали» ненаписанные вещи, и как только я коснулась пером бумаги, мне как будто легче стало жить. Почему же я не делала этого раньше, гораздо раньше, когда еще не было в помине веревочных туфель и шерстяных чепчиков, когда у меня было столько ничем не омраченного досуга и лампа из-под абажура бросала ровный свет, не задуваемый ветрами? Я думаю, оттого, что мне слишком хорошо жилось и без писаний.

Счастье утомительно, оно неэкономно тратит свет и тепло души, ему все равно, что будет потом: после него хоть потоп. Расходы на творчество и на счастье нам не всегда по силам, потому что источник средств один и тот же и мы выбираем что-нибудь одно.

В детстве я писала стихи. Я писала их, отбивая ритм мячом, вечером, в полутьме. Точнее говоря, я не писала их,

а придумывала. Я хорошо помню большую комнату — отцовский кабинет, где темнеет. Рядом столовая: там свет, там голоса, там на подносе чайник с чашками, как утка с утятами, плывет, уплывает в чайное море.

Но что сказать о кабинете, где вспыхивают тайны? Я кружусь на небольшом пространстве пола, мяч трепещет у меня в руках. Месяц плывет за окном, тучки висят на нем. Мяч у меня такой, что нельзя рассказать какой. Та-та-та-там, и вот — мяч по коврику идет. Та-та-та-там-та-тит — мяч над столом летит. Летит и разбивает нечто стеклянное на письменном столе моего отца.

Из столовой приходят и говорят, что разбита чернильница, что стыдно мне, что мяч у меня отберут и в кабинет вечером не пустят. Поздно, поздно: мне не стыдно, яд проник в меня, стихотворение уже написано. И как только за мной перестанут следить, я снова удеру вечером в комнату, полную тайн, буду играть в мяч, напишу второе стихотворение и, быть может, разобью вторую чернильницу.

Я писала стихи не только в детстве, — я писала их в юности, в тревожной юности, когда рифмы слетаются, как пчелы, на ученическую тетрадь. То было время расцвета декадентов, когда вокруг зеркал обвивались скульптуры девушек фиштакшоваго цвета, состоящие из рук и волос. На уроке физики я писала стихотворение о водяной лилии:

Большой, тяжелой головой Она склонялась над водой. Большой, тяжелой головой...

— Мадемуазель, — вкрадчиво говорит наш физик, наша гроза, — что вы мне скажете о рычаге второго рода?

Молчание. Вздох. Единица... Потом писание стихов прекратилось на долгие годы.

Аркадий Грам, простите меня. Я пустилась в экскурс, в туманную область прошлого, в то время как вы сидите один над чистой страницей и обдумываете первую программу для «Созэпа». А ведь мы должны сделать это вместе.

Для первого раза мы написали вещицу, которая нам казалась острой сатирой. Дело происходило в Ноевом ковчеге, приплывшем в наше столетие. Там фигурировали звери, буржуи и пролетарии.

Мы с Грамом писали торопясь, ночью. Чтобы окончательно не изнемогать в муках творчества, мы приготовили себе чай на всю ночь. Чайник с чаем мы нежно завернули в одеяло, накрыли двумя подушками, чтобы дольше хранить драгоценное тепло.

Но в конце первого акта настала минута такого изнеможения, что Грам кинулся на кровать и, перевернув подушки, сунул их под свою усталую голову. И тепловатый чай охладил пылающие виски драматурга.

Открытие «Созэпа» произошло в одну из суббот. Отпечатанные программы были нам не по средствам: написанная от руки афиша, как меню дешевых столовых, висела у входа в театр. Занавес отдернулся, и первые два ряда зрителей выступили из мрака. Легкий ропот прошел по рядам при виде елки на сцене, необходимой по ходу действия.

Никто из присутствующих, конечно, не предполагал, что он увидит настоящую елку: это было бы чересчур наивно. На сцене зеленело картонное дерево, взвихренное бурей возмущения...

Спектакль начался. Рыжий музыкант, член нашего коллектива, встретил появление елочных огней бичующей музыкой, малоприятной для слуха, — но ведь это была сатира.

За правой кулисы незанятый в пьесе и вследствие этого обремененный обязанностями помощника режиссера, волнуясь, стоял товарищ Покорный с тетрадкой в руках.

Пьеса не понравилась. Сочетание текста и оформления дало редкий по неприятности эффект, очевидно, вполне оцененный публикой. Конец был встречен недоброжелательным гулом.

В маленькой задней комнате, где все мы одевались и гримировались, товарищ Покорный среди общего гнетущего молчания высказал мысль, что «спектакль, так сказать, провалился».

Совместное творчество мое и Грама было признано малоудачным. Отныне стихия сатиры и стихия лирики были отделены друг от друга и каждая получила своего изобразителя; нужно ли добавлять, что на мою долю пришлось лирика.

Продолжение следует

Роман Бродавко

Жить в настоящем времени

Это рассказ о человеке, в жизни которого, как в капле воды океан, отразилась наша новейшая история. Впрочем, не только отразилась – он сам творил ее, вовсе не думая об этом.

«Если завтра война...»

Моисей Петрович Галантер родился в 1919 году в Одессе, в доме номер 23 по улице Разумовской. Шла гражданская война. Вскоре, спасаясь от голода, семья переехала в Балтский район, откуда были родом отец и мать, — там можно было как-то прокормиться. В Одессу вернулись только в 1925 году.

У Моисея было детство такое же, как у многих его сверстников. Семья жила бедно, однако в ней особую ценность имели не материальные блага, а знания. Родители из кожи вон лезли, чтобы дать детям образование, стремились всячески расширять их кругозор.

Окончив семилетку № 80, которая располагалась на Прохоровской улице, Моисей поступил в Одесский машиностроительный и конструкторский техникум. Окончив его, стал работать на «Январке» — сначала нормировщиком, а затем — мастером кузнечно-прессового цеха. Поступил на вечернее отделение Индустриального института — так в то время назывался политехнический.

В ноябре 1938 года Моисей Галантер получил повестку в военкомат. К призыву на военную службу в то время были готовы все юноши, — тогда ни у кого не было и мысли уклониться от нее. Галантера призвали на флот. И в конце ноября в теллушках будущих военных моряков отправили в Ленинград. Так Моисей Петрович оказался в машинной школе в Кронштадте, где прошел десятимесячный курс молодого краснофлотца. После окончания, овладев специальностью моториста, начал плавать на катере в составе бригады охраны водного района (ОВР) Краснознаменного Балтийского флота.

— Сегодня много пишут о «дедовщине» в армии, явлении, которое надо выжигать каленым железом, — говорит Моисей Петрович. — Когда я попал на флот, «старички» не только не позволяли себе унижать новобранцев, а, наоборот, всячески помогали им освоиться в новых условиях. Мы всегда могли надеяться на их помощь и поддержку. Я не помню случая, чтобы к кому-то из нас в оскорбительной форме обратился офицер. Была строгость, было неукоснительное выполнение Устава, за нарушения наказывали тоже по Уставу, — но все было справедливо. Со мной служили ребята разных национальностей. Были у нас призывники с Северного Кавказа и Средней Азии. Многие неправильно говорили по-русски. Однако все жили одной семьей. Рождалась дружба, которую многие из нас пронесли через всю жизнь. Мы все были идейными людьми: любили Родину, считали ее рубежи священными... Если бы мы не были патриотами, то никогда не одолели бы сильного и коварного врага.

«На Финской, отшумевшей, проигранной войне...»

В ноябре 1939 года началась Финская война. Галантер в то время был членом комитета комсомола бригады ОВР. Секретарь комитета в то время был на учебе в Ленинграде, и Моисей Петрович исполнял его обязанности. Через несколько дней после начала войны его вызвал замполит Анищев:

— Надо набрать добровольцев в лыжную бригаду Краснознаменного Балтийского флота. Сделаешь?

— Товарищ замполит, я лыжи в Одессе только в магазине «Динамо» видел...

— Не о тебе речь. Наберешь ребят, а сам оставайся на своем катере.

Он не мог так поступить, поэтому записался в лыжную бригаду сам — вместе с еще тридцатью четырьмя добровольцами.

Их отправили в пригород Ленинграда Парголово — обучаться ходьбе на лыжах. Через две недели худо-бедно ребята эту науку освоили. Им выдали новенькие автоматы ППШ — тогда они только входили на вооружение. Лыжники должны были идти вслед за пехотой.

О войне с финнами известно уже немало. В лесах было много «кукушек» — так называли снайперов, которые стреляли из укрытий, метали гранаты и быстро исчезали на лыжах. Лыжниками они были превосходными! Да и экипированы финские солдаты были прекрасно. В первые месяцы отряду, в котором служил Галантер, сталкиваться с противником не приходилось. Но вот поступил приказ — взять Выборг к 23 февраля, к Дню Красной Армии. Тогда и позднее победы должны были быть приуроченными к праздникам и памятным датам. Сколькими жертвами обернулась эта «датская» стратегия и тактика!

Но приказ есть приказ. Лыжники пошли в атаку. В неразберихе они оказались впереди пехоты и попали под обстрел, под гранаты «кукушек».

... Обожгло ногу — и нестерпимая боль пронизала все тело. К счастью, Моисея Галантера быстро подобрали и отправили в полевую госпиталь, а потом в тыл. Ранение было очень серьезным, речь шла об ампутации. Это означало в двадцать лет остаться без ноги.

Он упрямился военного хирурга, майора Шварцгорна, который, кстати, оказался одесситом, сделать все возможное, чтобы сохранить ногу. Врач колебался: шансов было мало, но в результате решил попробовать. Галантеру была сделана сложнейшая операция. Ногу удалось спасти. А почти через два месяца Моисей Петрович вернулся на флот, к своим.

На Балтийском флоте большое внимание уделялось духовному развитию личного состава. Военных моряков часто возили в Ленинград — в театры, музеи, на концерты. Такие культпоходы были формой поощрения, и молодые моряки стремились заслужить его. А работать приходилось много.

По мирному договору финская сторона передала СССР в аренду полуостров Ханко, который имел большое стратегическое значение. На нем предполагалось построить военно-морскую базу. Катер, на котором служил М. Галантер, занимался доставкой продовольствия, стройматериалов и боеприпасов на полуостров. Это была короткая мирная передышка перед большой войной.

«Прощайте, скалистые горы...»

Война подступала неотвратимо. Это ощущали все. Совсем рядом от Ханко на островах базировались немецкие и финские войска. Советские суда периодически подвергались обстрелу.

Для борьбы с финнами, которые терроризировали наши суда, была создана десантная группа, которой командовал капитан Гранин. Перефразировав название популярного тогда фильма, их называли «детьми капитана Гранина». На катерах, в том числе и на том, где служил Моисей Петрович, десантников доставляли на острова. Галантер не видел боев: его место

было в машинном отделении. Но сердце замирало, когда он слышал выстрелы и взрывы... И болело, когда узнавал о потерях.

В первые месяцы войны, когда гитлеровцы захватили Прибалтику, полуостров Ханко потерял стратегическое значение. Было принято решение эвакуировать войска и по возможности технику. А войск на полуострове было до тридцати тысяч! Эту задачу выполняли катера. Моисей Петрович видел, как взрывали уже построенные военные сооружения, — и сердце кровью обливалось. Сколько труда, сколько средств было затрачено, чтобы все это построить! Необходимость разрушения, уничтожения материальных ценностей — страшное уродство войны, и смириться с этим человеку, привыкшему создавать, невозможно.

Катер, на котором служил Моисей Петрович, оставлял полуостров. В районе Хельсинки в него попала бомба. Из семи человек экипажа трое погибли сразу. Галантер оказался в ледяной воде (на дворе был декабрь). Как он продержался минут пятнадцать в ватных штанах и бушлате — не помнит. К счастью, к месту затопления катера подошел тральщик «Ударник», и Моисей Петрович оказался на его борту. Однако часа через три «Ударник» был торпедирован и за считанные минуты затонул. Галантер сова оказался в воде, ухватившись руками за спасательный плот. Но опять повезло: под огнем противника спасшихся моряков подобрал крейсер «Вице-адмирал Дрозд». На нем они пришли в Кронштадт, а оттуда их доставили в Ленинград.

Город был в кольце блокады. Люди умирали с голоду. Морякам выдавалась «привилегированная» норма — 300 граммов хлеба в сутки. Это при том, что рабочим выдавалось 125, а детям — 200 граммов. Разговоры так или иначе касались еды: каждый вспоминал, что он когда-то ел...

После снятия блокады Моисей Галантер вернулся в строй. Он продолжал службу не только до Великой Победы, но и после нее.

Демобилизовался в 1946 году. Окончил политехнический институт, стал инженером. Три года по назначению отработал в Казахстане, в Петропавловске. Вернулся в Одессу. С 1958 по 1995 год проработал на одном месте — на заводе «Кинап».

«Страницы лет перебирая...»

Была ли война главным событием в жизни кавалера орденов Красной Звезды, Отечественной войны II степени, ордена «За мужество», медали «За боевые заслуги» и других наград Моисея Галантера?

— Я бы сказал так: одним из важных, потому что было и многое другое, важное и интересное для меня, — говорит Моисей Петрович. — Жить надо не прошлым, а настоящим. Во время войны я и миллионы таких парней, как я, честно выполняли свой долг перед Родиной. Мне бы хотелось, чтобы те, кто моложе нас, воспринимали участников войны не как «льготников», а как ветеранов. Чтобы они понимали, какой дорогой ценой заплачено за Победу, а главное — не поддавались на удочку лжеисториков, которые сознательно стремятся унизить ратный труд воинов-победителей. То, что я желаю своим младшим современникам, выражено в одном слове: мир. К сожалению, и в мирное время бывают трагедии, но ни одна из них не сравнится с той, что приносит людям война.

1943

2000

З а п и с к и ж и л ь ц а

Семен Липкин

Начало в 44

Под головой у него был отрез английского сукна. Чуть поодаль валялась зингеровская машинка — одна головка, — бог весть как сюда забредшая. Бориска был мертвецки пьян.

Кто-то из жильцов дома осторожно отнес украденное старому господину Кобозеву, но не в магазин, а на его квартиру в третьем этаже: так было вернее. Кроме прислуги, в квартире никого не было: владелец магазина куда-то скрылся. И правильно сделал. При французах он вернулся, и опустошенный магазин опять стал оживленно торговать всевозможными сукнами и прикладом.

Между тем Бориску в то памятное утро перенесли из подъезда во двор, поближе к общей уборной, подставили его бесчувственную курчавую голову на тонкой юношеской шее под широкую струю из крана. Придя в себя, Бориска заплакал, стал у всех просить прощения, певуче клялся по-еврейски, что навсегда забудет о налетах. “Глупый, дрянной мальчишка”, — сердился Цыбульский. Одетый с иголки Ионкис простил своего подмастерья — он в нем нуждался, Бориска был, в сущности, законченным мастером, а женщины в этот год будто с ума сошли, так наряжались, — простил, но при условии, что Бориска покинет Романовку, будет жить в городе, подальше от налетчиков. Костя Помолов нашел для Бориски комнату в подвале сапожника. Он решил сделать из Бориски Варгавтика стойкого большевика.

Однажды, когда в городе были петлюровцы, Костя и Бориска стояли на Покровской, напротив магазина восточных сладостей. Мимо них прошел щеголь-крепый и, не глядя на Бориску, не останавливаясь, ласково и грозно сказал:

— Жаль мне твою маму, Варгавтик.

Он вошел в магазин Назарки, а Костя спросил:

— Кто это?

— Так, вы не знаете...

Костя заметил испуг Бориски, догадался:

— Он из “Косарки”?

— Из “Косарки”. Но я с тех пор от них...

— Знаю. Партия тебе доверяет. Войдем в магазин, ты меня с ним познакомишь.

Бориска посмотрел на Костю с тупым недоумением. Что общего у этого идейного студента, сына самого Помолова, с каким-то налетчиком? Но тот, из “Косарки”, угрожал ему, и Бориска подумал, что будет

неплохо, если с помощью Кости он смягчит гнев своих бывших друзей, которых покинул.

Знакомство состоялось. У Кости была цель (а он постепенно уверовал в то, что цель — это все), поставленная перед ним Гриневым: вступить в переговоры с вожак “Косарки”.

Прозвище вожака — Факир — пользовалось у нас шумной, недоброй славой. Факир был порождением многонационального города, тем сложным химическим соединением, в котором составные элементы утратили свои первичные качества. Частая смена властей в нашем городе привела к безвластию. Полицейская сила лишилась главного: традиции. Она была обескуражена и развращена, как женщина, которой торгует собственный муж. Но грабители безнаказанно совершали налеты на банки, магазины и квартиры богачей не только потому, что умели использовать слабость тогдашней полиции. У них была великолепно поставленная разведка. Им служили добропорядочные с виду граждане, которые сами в налетах, разумеется, никогда не участвовали, но снабжали “Косарку” необходимыми сведениями. Говорили, например, что налетчики недурно оплачивали такого рода услуги Теодора Кемпфера. Мещанское — исконное и великое — понимание частной собственности рушилось, в той чаше революции, к которой жадно тянулася молодежь, бродил и хмель грабежа, весь государственный аппарат потрясенной России был, в сущности, большой “Косаркой” — в той же мере, в какой вожак налетчиков был маленьким вождем, дуче, фюрером, каудильо.

Хорошего среднего роста, широкий в плечах, тонкий в поясе, с напряженным гипнотическим взглядом — Факир был особенно страшен бандитам, когда глаза его кругло раскрывались, но зрачки при этом странно исчезали, — он вошел в комнату легко, артистично, с той привычкой вызывать интерес и поклонение, которая быстро вырабатывается у таких людей. На нем был превосходно сшитый пиджак в широкую клетку, брюки галифе с наколенниками из кожи, на голове кепи с накладными патами, какие носили редкие в ту пору автомобилисты. Его ожидали, сидя на табуретках за круглым столиком без скатерти, довольно грязным, Помолов и Бориска. За другим столом, вернее, за кухонным низким шкафчиком в углу, сидела спиной к ним девушка и, не оборачиваясь, рассказывала программу циркового

представления, одновременно с помощью простейшей машинки изготовляя из бежевых вафельных плит кружочки для мороженого. Табуретка была ей ощутимо узка.

Факир, глядя только на Костю, сказал:

— Мадемуазель, будьте добры, принесите нам сифон сельтерской и три порции мороженого, три двойных.

Девушка поднялась, улыбнулась и, уверенная в том, что на нее смотреть приятно, мягко удалилась.

Голос у Факира был резкий, произношение — скажем так — менее новороссийское, чем предполагал Костя. Продолжая смотреть только на Помолова, Факир сказал:

— Бориска, тебе полезно подышать воздухом.

Бориска, завороченный взглядом своего бывшего вожака и с опасливой преданностью взглянув на вожака нового, на Костю, вышел из комнаты. Не протягивая руки, Факир предложил:

— Будем знакомы, мосье Помолов.

Девушка принесла сифон и мороженое, Факир одну порцию царственно оставил у нее, и девушка, поблагодарив, опять улыбнулась, теперь для того, чтобы показать, что она не из Ямполья и понимает серьезность предстоящей беседы. “Мерси”, — сказала она и покинула гостей. Факир надавил краник сифона, наполнил стаканы холодной пузырячатой водой и сказал:

— Я весь внимание, мосье Помолов.

Костя смугил. С чего начать? Он начал с программы большевиков. Факир слушал его, как бы ободряя и ни в коем случае не выказывая скуки. Косте все больше нравился его собеседник. Страсть и сердечность были в голосе Кости, когда он воскликнул:

— То, что делает ваша “Косарка”, есть экспроприация экспроприаторов!

— Как вы определили? — Факир действительно заинтересовался.

— Фабриканты, банкиры, купцы, помещики грабят пролетариев и незаможников, а вы грабите награбленное.

— Правильно. Как вы назвали? Повторите, пожалуйста.

— Экспроприация экспроприаторов.

Факиру тоже понравился Помолов. Он сказал:

— Поедем как-нибудь на Романовку, к моим хлопцам. Грубые лица, но золотые сердца. Образования — никакого. Придет ли, эх, то времечко! Вот вы им и прочтете лекцию.

Окончание следует

Никелированные и серебряные изделия заблестят, как новые, если их протереть шерстяной тряпочкой, смоченной нашатырным спиртом.

***

Старый лак с паркета можно легко соскоблить, если предварительно очищенный участок пола прогладить утюгом через мокрую тряпку.

***

Залоснившийся воротник пиджака можно очистить раствором нашатырного спирта (одна ложка на три ложки воды). Подложите под воротник чистую тряпочку, а другой, смоченной раствором, легко протрите его. Образующаяся при этом пена удалите и протирайте до тех пор, пока воротник не станет чистым. После этого протрите его тряпочкой, смоченной в теплой воде.

***

Грязный зонт можно очистить раствором нашатырного спирта (полстакана нашатыря на 1 литр воды)

***

Зеркало в ванной комнате не будет портиться от влаги, если по периметру его с обратной стороны наклеить лейкопластырь так, чтобы он захватывал и ребро подзеркальника.

Сделай сам
Полезные советы
от заслуженного рационализатора
Украины
волонтера Григория Махлиса

Чернильные пятна с шерстяных, хлопчатобумажных и шелковых тканей можно вывести скипидаром.

***

При отсутствии специальных крючков для крепления штор их можно заменить канцелярскими скрепками.

***

Галстуки лучше не гладить, а расправить и намотать на трехлитровый стеклянный баллон (банку), заполненную горячей водой.

***

Пятна на изделиях из окрашенной кожи выводятся разрезанной луковицей.

***

Кожаная обувь, пояса, сумки белого цвета будут сохранять цвет, если их чистить смесью молока и взбитого яичного белка.

Кожаные пальто, сумки, чемоданы можно чистить водным раствором мыла и нашатырного спирта, после чего до блеска протирать тряпочкой, смоченной касторовым маслом.

***

Мыльницы, крепящиеся к стене резиновыми присосками, из-за старения и потери эластичности резины со временем начинают отваливаться. Для восстановления эластичности резины можно смазать присоски солидолом, литолом или другим минеральным маслом.

***

Резиновая присоска от мыльниц, прикрепленная в месте соприкосновения открываемой двери с мебелью, спасет ее лаковое покрытие от повреждения.

***

Пух и перья старых подушек можно вычистить, если переложить их в мешок и опустить на один час в теплый раствор 200 граммов 60%-ного хозяйственного мыла и одной чайной ложки нашатыря в 5 литрах воды. После завершения чистки мешок нужно постирать, просушить и проветрить.

Страна Поэзия

Николай ГУМИЛЕВ

Родился в Кронштадте в 1886 г. Поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик. Стихи писал с 12 лет. Учился в Сорбонне. Много путешествовал: Египет, Абиссиния. В 1910 г. женился на нашей землячке Анне Горенко (Анне Ахматовой). В 1912 г. у них родился сын Лев. Основал «Цех поэтов». Участвовал в войне 1914 г. 3 августа 1921 года арестован по подозрению в участии в антисоветском заговоре и расстрелян. Сборники: «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Колчан», «Костер», «Огненный столп» и др.

Капитаны

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель.

Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт.

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так, что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен
твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко,
на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозна стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный
узор,
С которым равняться осмелится только
луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких
озер.

Вдали он подобен цветным парусам
корабля,
И бег его плавлен, как радостный птичий
полет.
Я знаю, что много чудесного видит
земля,
Когда на закате он прячется
в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть
молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый
туман,
Ты верить не хочешь

во что-нибудь, кроме дождя.
И как я тебе расскажу
про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах
немыслимых трав?
Ты плачешь? Послушай... далёко,
на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам
с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным
желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;

Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

***
Я сам над собой насмеялся,
И сам я себя обманул,
Когда мог подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя.

Лишь белая, в белой одежде,
Как в пеплуме древних богинь,
Ты держишь хрустальную сферу
В прозрачных и тонких перстах.

А все океаны, все горы,
Архангелы, люди, цветы —
Они в хрустале отразились
Прозрачных девических глаз.

Как странно подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя,
Что сам я не только ночная
Бессонная песнь о тебе.

Но свет у тебя за плечами,
Такой ослепительный свет,
Там длинные пламени реют,
Как два золоченых крыла.

***
Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно-голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

Детский уголок

Агния Барто

БОЛТУНЯ

Что болтунья Лида, мол,
Это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

Драмкружок, кружок по фото,
Хоркружок — мне петь охота,
За кружок по рисованию
Тоже все голосовали.

А Марья Марковна сказала,
Когда я шла вчера из зала:

“Драмкружок, кружок по фото —
Это слишком много что-то.

Выбирай себе, дружок,
Один какой-нибудь кружок”.

Ну, я выбрала по фото...
Но мне еще и петь охота.

И за кружок по рисованию
Тоже все голосовали.

А что болтунья Лида, мол,
Это Вовка выдумал.

А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

Я теперь до старости
В нашем классе староста.
А чего мне хочется?
Стать, ребята, летчицей.

Поднимусь на стратостате...
Что такое это, кстати?
Может, это стратостат,
Когда старосты летят?

А что болтунья Лида, мол,
Это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

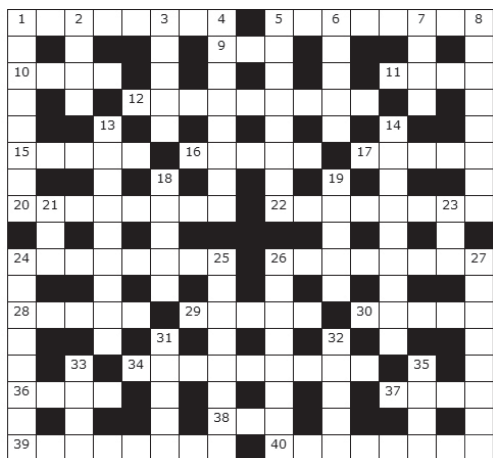
У меня еще нагрузки
По-немецки и по-русски.

Нам задание дано —
Чтенье и грамматика.
Я сижу, гляжу в окно
И вдруг там вижу мальчика.

Он говорит: “Иди сюда,
Я тебе ириску дам”.
А я говорю: “У меня нагрузки
По-немецки и по-русски”.

А он говорит: “Иди сюда,
Я тебе ириску дам”.

А что болтунья Лида, мол,
Это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

По горизонтали: 1. Насмешник. 5. Старинная итальянская многоголосая песня любовно-лирического характера. 9. Хоть видит ..., да зуб неймет. 10. Штат на северо-западе Бразилии. 11. Балаганный шут. 12. Сказка Ханса Кристиана Андерсена. 15. Роман русского писателя Николая Златовратского. 16. Продажная .... 17. Лиственный лес на поймах крупных рек. 20. Русский живописец, автор картины “Кружевница”. 22. Воспаление слизистой оболочки глотки. 24. Верхолаз. 26. Русский художник (“Аленушка”). 28. Сигнал тревоги с колокольни. 29. Инструмент скульптора. 30. Одна из четырех сторон света. 34. Главварь. 36. Навязчивая .... 37. Древнеримский бог полей, лесов и покровитель стад. 38. Споровое растение. 39. Шляпница. 40. Церемония приведения в исполнение приговора инквизиции.

По вертикали: 1. Красноречивый оратор. 2. Снежный .... 3. Топор для колки дров. 4. Персонаж романа Ильфа и Петрова “Золотой теленок”. 5. Изобретение Томаса Эдисона. 6. Забота о детях-сиротах. 7. Страна на Аравийском полуострове. 8. Воздухоплаватель. 13. Оружие шантажиста. 14. Застекленное помещение для выращивания и содержания теплолюбивых растений. 18. Древнеримская богиня, супруга Юпитера. 19. Заключение в кутузку. 21. Буква кириллицы. 23. Притеснение, гнет. 24. Садовое растение. 25. Суматоха, беспорядок. 26. Старая дева. 27. Бурчание. 31. Травянистое растение рода лук семейства лилейных. 32. Русский скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Петербурге. 33. Административно-территориальная единица в царской России. 35. Свадебный головной убор.

Ответы на кроссворд в газете “Доброе дело” № 54

По горизонтали: 2. Бутуз. 5. Колос. 9. Авто. 10. Арба. 11. Бурелом. 12. Гранка. 13. Подвал. 14. Зебра. 15. Заговор. 18. Клоп. 21. Абрикос. 25. Малыш. 27. “Тоска”. 28. Евпатория. 29. Забой. 30. Гарус. 31. Княжнин. 33. Акын. 36. Арбенин. 40. Перун. 42. Граппа. 43. Люизит. 44. Кувалда. 45. Веер. 46. “Обоз”. 47. Исток. 48. Гудок.

По вертикали: 1. Тверца. 2. Борнео. 3. Тобаго. 4. Зарез. 5. Колибри. 6. Лампа. 7. Саадак. 8. Облако. 15. Замазка. 16. Голубцы. 17. Распря. 19. Люстрин. 20. Пуассон. 22. Рутин. 23. Корона. 24. Стяг. 26. Шейк. 32. Жировик. 34. Кортж. 35. Непери. 37. Роланд. 38. Ефимок. 39. Ибикон. 40. Пакет. 41. Налог.

Все, кто имеет возможность помочь малоимущим людям, направляйте, пожалуйста, свои взносы по адресу:

Украина, 65023, г. Одесса,
Приморский район,
ул. Нежинская, 77/79.
БФ "Хесед Шаарей Цион"
код ОКПО 34321888
р/с 26003321218601 АБ
"Пивденный"
г. Одесса МФО 328209

ВНИМАНИЕ !

При БФ "Хесед Шаарей Цион" продолжает работу
Общественная приемная,
куда можно обратиться с жалобами,
предложениями и советами
по вторникам и пятницам
с 10.00 до 14.00
(ул. Нежинская, 77/79,
2-й этаж,
кабинет №227 "Волонтеры").

Улыбка

— Бедный Ромочка, он больше никогда мне оттуда не напишет, не позвонит!..
— А что, с ним что-то случилось?
— Что вы, Господь с вами, просто я завтра улетаю к нему...

— Вы знаете, Миша, я до сих пор жалею, что не работаю в шестой поликлинике.
— Ой, перестаньте, что бы вы в этой поликлинике делали!
— То же, что и в восьмой, где я сейчас работаю.
— А если конкретно, то, что именно вы делаете?
— Слава Богу, пока ничего...

— Мама, мне уже 15 лет, можно я буду ходить на каблуках, в мини-юбке и краситься?
— Ну, не знаю, сынок, не знаю...

— Маня, может, ты знаешь, бреет ли Фаня ноги?
— Нет, они у нее не растут...

— Что лучше? Маразм или склероз?
— Конечно лучше склероз!
— Почему?
— Потому что ты при склерозе забываешь, что у тебя маразм и в то же время каждый раз узнаешь что-то новое...

— Скажите честно, доктор, эти ваши лечебные травы приносят хоть какую-нибудь пользу?
— А как же! Я уже купил сыну дачу, а дочке дом достраиваю.

— А вот в этой комнате умер Людовик 14-й.
— Но на прошлой неделе, когда вы проводили экскурсию, то сказали, что Людовик 14-й умер в подвале?
— Возможно. Но в подвале сейчас ремонт...

— Посоветуй, как мне выкрутиться из сложного положения.
— А в чем проблема?
— На выпускной экзамен нам задали сочинить какое-то музыкальное произведение, а я ничего не могу придумать.

— А ты вот как сделай: возьми какое-то произведение своего преподавателя и перепиши его сзади наперед — и сдай, выдавая за своё.

— Да пробовал уже: вальсы Штрауса получаются...

— Ты музыкант?
— Нет, баянист.

— Доктор, а вы действительно вылечили меня от этой страшной болезни?

— Да, конечно, без всякого сомнения! Или вы мне не верите?

— Доктор, давайте я вас расцелую!
— Э, нет, не надо!

— У меня соседка — удивительная женщина.
— Почему? —

— У нее двадцать четыре ребенка.
— Она что, мать-героиня?

— Нет, просто работает в роддоме, а зарплату там, как и во многих учреждениях, в настоящее время выдают готовой продукцией.

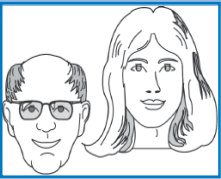
— Молодой человек, что-то я не видел вас на лекциях.

— Понимаете, профессор, я сидел вон за той колонной.

— Интересно, как это 12 студентов уместились за одной колонной?!

ВНИМАНИЕ !

В Культурном центре Хесед работает Романтическая гостиная
"Любви все возрасты покорны".
Одиночество — не лучшее состояние человека.
Все, кто хочет приятно провести время,
познакомиться с интересными людьми,
найти друга или подругу, приходите к нам по средам в 16.30.
Справки по тел.: 737-40-13 и 755-67-38.

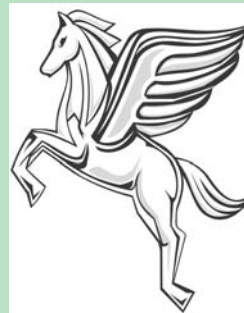
Литературная студия "Откровение"

приглашает поэтов.

В программе: основы стихосложения, творчество поэтов — классиков и современников, творческие вечера.

Заседания проводятся

в Культурном центре БФ "Хесед Шаарей Цион" по средам в 14.00.
Адрес: ул. Нежинская, 77/79

ВНИМАНИЕ!

Приглашаем клиентов Хесед в клуб любителей
домино
"ДУБЛЬ ШЕСТЬ"

В программе — игры, соревнования, турниры.
Встречи в Культурном центре Хесед —
ул. Нежинская, 77/79,
по понедельникам с 16.00.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИЕНТОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

С 90-летием

Дувидзон Суру
Когана Петра
Овчаренко Фриму
Тамулевич Александру
Цлаф Елену

С 85-летием

Зубка Владимира
Кеслера Григория
Рувинского Михаила
Сироту Иосифа
Туркину Мальвину
Хотенко Геню

Чукаеву Лидию
Шпиллер Елизавету

С 80-летием

Бесфамильную Рахиль
Гольдштейн Аллу

Кафенгауз Мариам
Коваленко Людмилу
Моргулиса Анатолия
Парханову Александру
Цветковскую Лидию
Черноус Галину

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧИЧНИКОВ — ВОЛОЧТЕРОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Берман Людмилу
Бондарчук Лидию
Гринюка Василия
Елисаветского Герша

Коваленко Людмилу
Когана Наума
Контимирову Светлану
Лейбовича Зиновия
Окуль Нэллю

Потапенко Светлану
Рубан Александру
Рухлину Юлию
Фингеру Софию

Учредитель и издатель —
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса)

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.
Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а
Тираж — 5500 экз. Зак. №

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А. Кесельман, А. Креймер,
Ф. Мильштейн
Компьютерная верстка
И. Поголевский

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
E-mail: hesed.odessa@gmail.com